

Марина Спендиарова

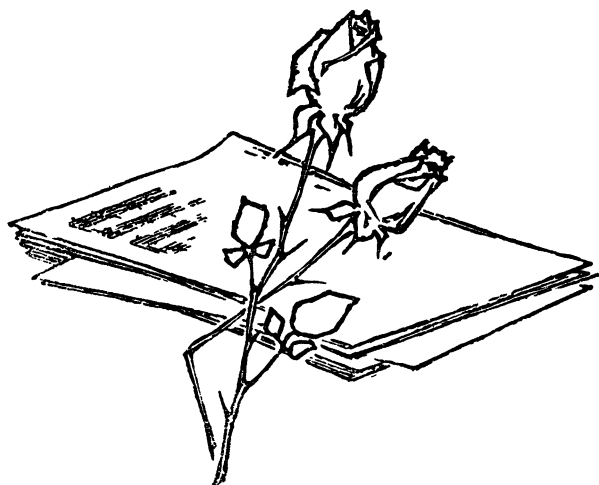
ЖИЗНЬ
МУЗЫКАНТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МАРИНА СПЕНДИАРОВА

ЖИЗНЬ МУЗЫКАНТА

П О В Е С Т Ь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» · МОСКВА · 1971

78
С71

Оформление
Г. ОРДЫНСКОГО

7-6--3

С Л О В О К Ч И Т А Т Е Л Я М

«Жизнь музыканта»... Эта книга расскажет вам о человеке, чья жизнь и чье творчество оставили неизгладимый след в истории становления армянской советской музыки.

Исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Афанасьевича Спендиарова, крупнейшего композитора, основоположника армянской инструментальной музыки.

В творчестве Спендиарова счастливо соединились две музыкальные стихии — русская и армянская.

Ученик Римского-Корсакова, близкий друг Глазунова, Спендиаров — превосходный мастер оркестра, изобретательный инструменталист-художник. В его оркестровых произведениях безусловно сказывается творческое освоение традиций русской классической музыкальной школы, и в первую очередь Римского-Корсакова.

Творчество Спендиарова для нас драгоценно тем, что композитор дал великолепные образцы освоения богатейшей армянской народной музыки.

В наследии Спендиарова народная музыка пронизывает почти все его сочинения. Композитор овладел духом народной музыки и оставил оригинальные произведения для симфонического оркестра, вдохновленные и насыщенные народными мелодиями.

Как художник Спендиаров сложился до революции, но Октябрь дал новый могучий толчок к расцвету всех его творческих сил.

Есть нечто знаменательное в том, что становление армянской музыкальной школы шло одновременно со становлением Армении как равноправной республики среди равных народов Советского Союза.

Едва закончилась гражданская война, Спендиаров едет на родину своих предков — в Армению, чтобы отдать народу не только свой дар композитора, но и общественного деятеля.

Спендиаров был человеком большой культуры, высокого интеллекта. Общение с ним было не только всегда интересно — оно обогащало духовно. Разговор, начинавшийся обыкновенно с чисто профессиональных музыкальных тем, свободно переходил на другие вопросы, касался общественных интересов. Спендиаров не был равнодушным человеком.

Я вспоминаю мои встречи с Александром Афанасьевичем в Москве в Доме культуры Армении. Я бывал здесь часто, каждый вечер.

В те далекие уже двадцатые годы Армянской Государственной драматической студией руководил молодой тогда Рубен Николаевич Симонов (впоследствии народный артист СССР, лауреат Ленинской премии). Я тоже был тогда очень молод и делал первые шаги в искусстве. Мне поручалось писать музыку к спектаклям, которые ставила студия.

В 1928 году Спендиаров некоторое время жил в Доме культуры и каждый вечер непременно приходил на репетиции.

Молодежь тянулась к этому тихому, спокойному человеку

с добрыми умными глазами и легкой иронично-добродушной улыбкой.

В те годы я учился в музыкальном техникуме Гнесиных по классу композиции. Однажды я набрался решимости и показал прославленному мастеру свои первые сочинения. Волнуясь, сел я за фортепьяно. Спендиаров прослушал меня с доброжелательным вниманием. А еще через некоторое время я получил от него подарок — ноты «Ереванских этюдов».

«...с пожеланием пышного расцвета незаурядного дарования», — быстро пробежал я глазами дарственную надпись на титульном листе.

Сейчас, спустя почти полвека, я вспоминаю этот день, и меня вновь охватывает то сложное чувство и захлестывающей радости, и тревоги одновременно, которое испытал я на заре своего творческого пути.

Я понял в тот день, что в меня поверили, что за моим ростом будет следить требовательный глаз взыскательного художника. «Сумею ли я оправдать возложенное на меня доверие?» Это чувство тревоги и ответственности на долгие годы осталось со мной...

И я был не один. Скольким начинающим музыкантам помог он своим советом, скольких учил, передавал свой богатырский опыт музыканта-композитора!..

Вспоминаю, как увлеченно говорил Спендиаров о работе над оперой «Алмаст».

«Надо знать о своем герое все, надо видеть его», — говорил Спендиаров. Он видел свою Алмаст, любил и страдал вместе со своей героиней... «Только тогда, когда художник проникнет в сущность характера героя, — только тогда найдет он самую выразительную музыкальную характеристику».

Сейчас, спустя десятилетия, я на собственном творческом опыте убедился в правильности этих слов. Мне не довелось пока осуществить свою мечту — написать оперу. Но опыт работы над балетами подтвердил истину, высказанную

Спендиаровым: надо знать своих героев, видеть их, понимать их...

Книга, которую вы раскрыли, написана дочерью композитора. Наверное, этим и определяются особенности повести «Жизнь музыканта». Это безыскусный, непридуманный рассказ. С любовью, с мягким юмором рисует автор бытовые сцены, вспоминает семейные предания. Но через всю книгу от главы к главе все явственнее проступает то главное, что являлось стержнем жизни Спендиарова,— творчество.

Книга не случайно названа «Жизнь музыканта». Спендиаров называл себя музыкантом, вкладывая в это понятие широкий смысл. Он не был просто композитором. Он не мыслил свою жизнь вне общения со слушателями. И каждое его дирижерское выступление было творческим актом.

Он был учителем многих молодых музыкантов, передавал им, как эстафету, свой опыт, свои знания.

Арач Карапетян

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МУЗЫКА

младенческие годы любовь к матери и любовь к музыке были у Саши неразделимы. Из гостиной доносятся звуки игры на фортепьяно, значит, мать дома, и Саша спокоен. Едва начав ходить, он шел на голос матери в гостиную и, добравшись до широких юбок, прижимался к материнским коленям.

Однажды мать принесла в детскую ворох тонкой шелковистой бумаги, смяла ее в руках, и получилась птица. Какой должна быть настоящая птица, Саша знал хорошо: гуляя со своей воспитательницей Такуш, тетей, по улицам Каховки, он подолгу глядел на весело прыгавших воробьев. Теперь он внимательно следил за движениями рук матери, а когда она отдала ему игрушку, шлепнулся на ковер и снова смял птицу.

С тех пор мальчика не было слышно. Он сидел в детской на ковре, вытянув вперед ноги в полосатых чулках и опустив белокурую голову, и мял руками бумажный шарик, стараясь придать ему форму птицы.

Он оставлял свое занятие только в сумерки, когда мать садилась за рояль и играла песни и пляски крымских татар. Глядя на мать снизу вверх, Саша с трудом различал ее черты, но потом приходил лакей Михайло с горящим огарком, прикрепленным к длинной палке. Он зажигал этим огарком свечи на канделябрах, и волосы матери становились золотыми, а лицо — ясным и нежным.

Саше было четыре года, когда ему самому захотелось заставить звучать мелодии, знакомые, как сказка, которую мать рассказывала ему перед сном. И хоть к этому времени мальчик научился лепить птиц, рыб и даже лошадок, он все чаще оставлял бумажные игрушки и неуверенно нажимал на клавиши.

Однажды мать увидела Сашину фигурку в темной гости-

ной около фортепьяно. Чтобы развеселить сына, она посадила его на колени и сыграла бойкую татарскую песенку. До чего же Саше стало весело! Звуки песенки оказались точь-в-точь похожими на те, что он запомнил и хотел найти. Клавиши перестали быть костяными игрушками, которые забавно подпрыгивали, когда мать поднимала пальцы. Каждая из них зазвучала по-своему, и все клавиши сделались такими знакомыми Саше, что, когда мать ушла из гостиной, он сам нашел нужные ему и, ударяя по ним пальчиком, составил мелодию.

Постепенно Саша научился подбирать на фортепьяно все, что он слышал. Сначала это были крымские песни и пляски. Потом, когда в 1877 году шестилетний Саша с семьей переехал в Симферополь, марши и бальные танцы, которые играла на симферопольском бульваре «военная музыка».

Трогательно было видеть шестилетнего, не по возрасту маленького Сашу Спендиарова сидящим за роялем на целой горе подушек. Он сосредоточенно разыгрывал полонезы и вальсы, под которые медленно двигались по красной плюшевой гостиной кринолины его матери и ее кузин.

Однажды в красную гостиную вошел старый знакомый Спендиаровых Иван Константинович Айвазовский. Саша отыграл уже свои полонезы и, соскользнув на ковер, старательно лепил из бумаги скачущую лошадь. Он хотел было подняться навстречу гостю и шаркнуть ножкой, но тот усадил его на место и стал наблюдать за его работой. Потом художник подошел к этажерке, на которой были расставлены Сашины бумажные изделия, и выбрал несколько фигурок, чтобы по приезде в Петербург показать их в Академии художеств.

— Помяните мое слово, Наталья Карповна: это будущий скульптор,— сказал Иван Константинович.

И все, находившиеся в гостиной, родственницы Натальи Карповны, восклицали, разглядывая давно знакомые им Сашины изделия:

— Будущий скульптор!

Даже сам Саша — всегда скромный и застенчивый — вдруг почувствовал себя будущим скульптором. Он притащил в палисадник целую кучу глины и с увлечением лепил из нее не только животных, но и людей.

И все-таки музыка оставалась его любимым занятием. Он уже сочинял маленькие вальсы, импровизировал, научил-

ся играть по нотам. Мальчик мог часами сидеть за роялем и играть пьесы, привезенные из Керчи, где мать училась когда-то в институте благородных девиц.

Прошло некоторое время, и музыка совсем вытеснила занятия лепкой. Саши-«скульптора» больше не существовало! Но тонкое чувство формы, появившееся у мальчика в самом раннем детстве, несомненно помогло Саше-музыканту.

В КАРАСУБАЗАРЕ

В маленьком городе Карасубазаре (в сорока верстах от Симферополя) находился дедушкин дом. Он был похож на все карасубазарские дома со стеклянной галереей и винным подвалом, в котором, кроме бочек с вином, хранились зимние запасы. Но была в дедушкином доме одна особенность: в нем всегда звучала музыка. На рояле, стоявшем в гостиной, играли дедушкины дочери, дедушкины внучки и, конечно, Саша, когда Наталья Карповна привозила детей в родной дом.

Обычно это бывало на праздники. А праздники проходили в Карасубазаре так весело! Особенно масленица, которую праздновал, казалось, весь город: русские, малороссы, армяне, греки, евреи, татары... Саша ждал масленицу с нетерпением, которое возрастало по мере того, как возок приближался к дедушкиному дому.

Сначала лошади бежали по ровной дороге: позвякивали бубенчики, ритмично стучали копыта, и вдруг Сашу как тряхнет! И еще, и еще раз! Значит, приехали в Карасубазар. Вот знакомая аптека, белый угловой домик и рывины, рывины, на которых переваливается возок, пробираясь по узким улицам.

Последний толчок — и остановка.

Нетерпеливее всех мать. Она выскакивает из возка, подбегает к деревянной калитке в высокой стене, окружающей дедушкин дом, и изо всех сил дергает веревку колокольчика.

Раздаются возгласы:

— Приехали! Приехали!

Калитка открывается, и перед Сашей дедушка Карп Иванович — его доброе лицо, седые волосы, начесанные по старой моде на виски, и ласковые, застенчивые глаза. Саша целует дедушку и только потом замечает тетюшек, дядю-

шек, кузин, усатого повара Мусу, и еще кого-то, и еще кого-то...

Детей ведут умыться, приглашают их волосы и отправляют на галерею целовать руку бабушке Татьяне Ивановне.

Полная, в кружевной накидке и наколке, обшитой стеклярусом, бабушка сидит в глубоком кресле. Она протягивает внукам мягкую, в ямочках руку, и они целуют ее по очереди. Потом бабушка хватается за ручки кресла, с трудом приподнимает грузное тело и кричит резким голосом, сзывая помощниц:

— Савёт-джа! Гаяна́-джа! Солда́т-Гаяна-джа!

Испуганные дети убегают, и уже из комнат Саша слышит топот ног в шерстяных чулках и властный голос бабушки, отдающий приказания.

На следующее утро Саша просыпается от пронзительных звуков и грохота «татарской музыки». Оживленный, радостный, он наскоро одевается и отворяет калитку. Продолжая неистово дуть в зурну¹ и бить в даул — барабан, — музыканты выстраиваются во дворе. Саше весело! Он хватает свой детский барабанчик и отбивает на нем ритм веселой, задорной пляски.

Получив от дедушки щедрое вознаграждение, музыканты уходят. Но Саша не может успокоиться. Сидя за завтраком, он бьет ложкой по тарелке, а когда после завтрака мать натягивает на него и на его старшего брата Леню бархатные костюмы, топчет ногами и, раздув щеки, подражает звуку зурны.

Но вот мальчики готовы. Мать нахлобучивает им шапочки с помпонами и ведет на площадь Караул-майdan.

Базарная площадь заполняется праздничной толпой.

Шум, гам, громыханье даул-зурны.

Вот сцепились в борьбе два широкоплечих молодца.

— Эй-хей!— кричат Саша и Ленья.— Эй-хей!

Куда девалась Сашина робость! Толпа зевает, подбадривающих борцов, втягивает Наталью Карповну и мальчиков в свой круг. Но кто-то крикнул:

— Комедианты приехали!

И, собрав все силы, Саша вслед за Леньей пробирается сквозь толпу.

Вот они все трое у каната, протянутого между двумя

---

¹ Объяснение музыкальных терминов дано в конце книги.

столбами. «Татарская музыка» уже тут как тут. Но где комедианты? Вдруг в самое небо взвился человек, усыпанный блестками. За ним другой, третий... Дети затаив дыхание следят за ловкими канатными плясунами. Что это? Вместо нарядных чупяк на их ногах чугунные казаны! Зрители замерли. Музыка стихла. Широко расставив руки, плясуны медленно движутся по канату...

Представление кончилось.

— Домой! Домой!— зовет Наталья Карповна своих сыновей.

Но Саша исчез.

— Где Саша? Саша!

Саша, окруженный карасубазарскими мальчишками, стоит на бугре. Его личико сморщила гримаса. Он, кажется, собирается заплакать. Что случилось? Куда он смотрит? Ах, вот куда... Хромая обезьянка в рваном пиджачке прыгает на одной ножке под заунывный мотив, который наигрывает на скрипке старый татарин.

Хоп, хоп!— прыгает хромая обезьянка, жалобно озираясь на детей.— Хоп, хоп...

Спускается ночь. Мать, Леня, Саша, дедушка, кузины выходят на галерею. За садовой стеной загораются факелы. По старому карасубазарскому обычаю, дедушка широко растворяет ворота. На их улице шествие ряженных. Идут друг за другом черти, короли, медведи, клоуны... Вереницей поднимаются по лестнице дедушкиного дома, заполняют комнаты, садятся за приготовленные для них столы, начинаются тосты, застольное веселье...

Саша за роялем. Вся жизнь праздничной площади звучит в его импровизациях. Отставив тарелки, гости пляшут татарский танец «Хайтарма́», который лихо играет маленький Саша.

Потом музыка становится тише. Саша еле касается клавиш. Звучит печальная мелодия на фоне одной, бесконечно повторяющейся ноты.

— Хоп-хоп!— говорит Саша тоненьким голоском, ударяя пальцем левой руки по одной клавише.— Хоп-хоп!..

Как спокойно и ясно было у Саши на душе, когда ему разрешалось сочинять, подбирать по слуху, играть что угодно по нотам. Но Наталья Карповна пригласила к нему учительницу музыки, заставлявшую его часами отстукивать упражнения, и всё померкло.

— Выше пальцы! Выше пальцы!— твердила учительница.

Она подыгрывала Саше на дискантах, и Саше казалось, что прямо вытянутые пальцы ее напоминают солдатиков, мерно шагающих по клавишам.

Прошел год, и учительнице отказали. Но Саша еще долго не мог вернуться к музыке. Слонялся по дому без дела, а когда решался сесть за рояль, ему казалось, что пальцы его движутся механически и звуки не выражают ничего.

Но вот пришел день, когда Саша поступил в первый класс гимназии.

В этот счастливый для всех подростков день ему пришлось познать, что такое право сильного.

Перепрыгивая через несколько ступеней, Саша радостно взбежал по гимназической лестнице. Мальчики! Как много мальчиков! Он вошел в класс, приветливо поздоровался со всеми и уселся за парту.

Но тут началось что-то совершенно неожиданное. Сидевший возле Саши мальчик круто повернулся к нему и стал недружелюбно рассматривать его выпуклыми глазами.

Саша почувствовал себя неловко. Его потянуло домой. Учитель раздал мальчикам задачи, а он сидел неподвижно, не в силах протянуть руку к тетради.

— Что сидишь, ничего не делаешь?— грозно спросил его мальчик с выпуклыми глазами.

Саша немного отодвинулся от него.

— Полчаса сидишь, не можешь задачу решить?— зашептал мальчик и двинул Сашу плечом.— А ну-ка решай скорей!

Саша покорно заторопился, а когда кончил, мальчик подвинул к себе его тетрадь и стал преспокойно списывать задачу.

На переменах «новенького» щипали, щелкали по носу, толкали. Саша не умел защитить себя— ему никогда до этого не приходилось драться. Так продолжалось на другой и на третий день. Пожаловаться Лене? Он ведь большой, ему уже тринадцать лет. Но разве Ленья может защитить Сашу от

острого чувства несправедливости, которое он испытывал впервые в жизни? Случилось так, что, когда какой-то верзила подставил ему ножку, в коридоре оказался Ленья. Ну и досталось же после этого Сашиному обидчику!

Однажды, стараясь не попасть «врагам» под руку, Саша пробирался вдоль стены коридора. Дверь актового зала оказалась открытой. В глубине чернел рояль. Саша заглянул в открытую дверь. В зале никого. Маленький хрупкий гимназистик за роялем. Он осторожно дотрагивается до клавиши. Острая боль звучит в первом же одиноком звуке. Вот еще звук... Он напоминает стон. Помимо Сашиной воли льется песня, порожденная печалью. Но что это? В зал вбежали Сашины мучители: сосед по парте с выпуклыми глазами, длинноногие выпускники, щелкавшие его по носу, верзила, который подставил ему ножку. Саша хотел убежать, но чья-то рука усадила его на стул, и со всех сторон раздались крики:

- Мазурку!
- Вальс «Тигренок»!
- Марш «Дефилир»!

Саша играл. Куда девались злые мальчишки? Каждый из бывших его мучителей старался стать к нему поближе. А когда под сводами классической гимназии раздался звонок к началу уроков, старшекласники подняли маленького музыканта на руки и, как триумфатора, понесли по коридору.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

Мечты о летних каникулах каждую весну будоражили мальчиков. «Хочу, чтобы я поскорее поехал в Каховку,— писал как-то Ленья отцу.— Ты пишешь, что мы будем скучать. Не бойся, скучать не будем. Кататься будем. Плавать на тыквах, если они еще есть».

И вот наступал желанный день, когда вместе с отцом, обычно приезжавшим за ними в Симферополь, Ленья и Саша отправлялись в Каховку.

Колызка подкатывала к калитке палисадника. Ленья забирался на козлы рядом с кучером, затем выходил отец, казавшийся огромным в развевающейся на ветру летней крылатке, за отцом — Саша. Скрип, треск... Колызка трогается. Потянулись симферопольские сады, виноградники. Потом

степь — жарища, сушь! Земля потрескалась, травы поблекли, но такой ароматный дух от чабреца и полыни!

Дорога идет через Армянск — родину отца. Показались купола русской и армянской церкви. Кажется, что до них рукой подать, но это только кажется. Уж вечер спустился на полынные пустыри, а они всё едут, едут... Когда приехали, Саша и не заметил; отец вывел его сонного из коляски и, войдя в дом, положил на взбитую перину.

Маленький, пыльный городишко Армянск! Низкорослые акации не защищают его от солнца. Днем на улице не встретишь никого, и только часов в пять, когда одноэтажные домики отбрасывают тень, жители рассаживаются на скамеечках возле калиток и судачат о том о сем.

О приезде «самого» Афанасия Авксентьевича Спендиарова — крупного землевладельца и лесопромышленника — говорит весь город. Вечером в честь богатого родственника его племянница дает бал с «наемной музыкой». Сначала будет кадрили, потом «местные танцы».

Народные татарские пляски танцуют все, даже невероятно толстая жена дяди Степана — брата Афанасия Авксентьевича. Саша с восторгом наблюдал за ритмическими движениями кистей ее рук, вращающихся вокруг запястья со сложенными, как для крестного знамения, пальцами.

Наплясавшись, гости усаживаются в кресла. Их обносят сладостями и винами. Языки заплетаются, беседа идет все более вяло. Сашу отправляют спать, но он слышит громкий голос дяди Степана и возвращается в залу.

Ероша волосы и патетически разводя руками, дядя поет на армянском языке старинную песню:

Деревцом я персиковым рос.
Надо мной родимый был утес.
Меня выкопали, унесли,
Посадили в сад чужой земли...

Вероятно, песня напомнила ему о чем-то печальном, потому что, не допев, он начал всхлипывать.

Меня выкопали, унесли,
Посадили в сад чужой земли...—

подхватывают все гости и тоже всхлипывают, горестно покачивая головами.

«О чем они так горевали?»— вспоминал Саша на другое утро, сидя с отцом и Леней в колыске, которая везет их в Каховку.

Вдали, поблескивая на солнце, змеится Днепр. Леня дергает вожжи:

— Н-но, милые, поторапливайтесь! Н-но!

Лошади встряхивают мордами и понимающе фыркают: впереди вода! И для мальчиков впереди вода! Скорее бы бултыхнуться в нее с головой!

Наконец приехали в Каховку. Заходит солнце. На Днепре розовые блики. Леня и Саша бегут в купальню, ныряют в реку и плывут, разрезая руками прохладную толщу воды.

Каховка — это прежде всего Днепр. Утром — бегом в купальню. После занятий и чтения под деревьями сада — бегом в купальню! А вечером, когда солнце светит сбоку и воздух напоен ароматом помидорного листа, садишься в лодку, напоминающую огромный стручок акации, и плывешь себе по течению, изредка ударяя веслами по упругой глади.

Немного проплывешь — и пристань, с которой сплавляют лес. На пристани отец. Он, видимо, спорит о чем-то, размахивая руками. Но вот, засучив рукава, Афанасий Авксентьевич ухватился вместе с рабочими за огромную колоду.

— Раз, два — взяли!

Колода падает в воду, подняв фонтан брызг. Отец смеется, отряхивается, и снова слышен его громкий, властный голос, покрывающий пение сплавщиков леса и скрежет пил.

Лодка плывет дальше. Потянулись зеленые острова с рыбачьими хижинами, баштаны... Оттуда слышится пение батрачек...

В воскресенье — на ярмарку.

— На ярмарку, на ярмарку!— гудит спозаранок голос отца.

Что только не увидишь на ярмарке! Саша проходит мимо загонов для скота, мимо балаганов, в которых размалеванные паяцы кривляются рядом с деревянными куклами и кавказскими шакалами, мимо палаток с крашеными пряниками и самодельными игрушками, мимо возов с шерстью и сеном.

Отец засел с бородатыми толстяками в трактире и, попивая бессарабское вино, обсуждает торговые сделки. Леня — поклонник любого развлечения — не выходит из балаганов. А Саша бродит по ярмарке, привлекаемый пением слепых

лирников, доносящимся издали. Где же музыканты? Нашел наконец. За тачанками и мажарами, стоящими в очередь к кузнице, на перевернутых корзинах сидят слепцы. Пахнет свежим сеном, да и люди здесь какие-то другие! Не продают, не покупают... Лежат у ног слепых лирников животом вниз на охапке сена и слушают музыку, уткнувшись лицом в картузы.

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРУЖОК

По улице идет мальчик. Серые близорукие глаза его прищурены, губы плотно сжаты. Мальчик идет быстрой, пружинистой походкой, и ранец подпрыгивает у него за спиной.

— Саша!— кричат ему вслед гимназисты.— Айда на бульвар! Погуляем до обеда!

Но мальчик не слышит. Он о чем-то сосредоточенно думает.

Палисадник. Знакомый скрип калитки.

Саша у себя в комнате за письменным столом. Перед ним каллиграфически выписанные хоровые партии. Надо кое-что исправить. Сегодня собирается у Спендиаровых литературно-музыкальный кружок. Саша организовал его из «поэтов» и «музыкантов» своего класса. Участвуют также Леня и сестра Лиза.

Вечером в зале зажигают свечи, и публика рассаживается в красных плюшевых креслах.

Дедушка Карп Иванович в праздничном сюртуке. Он уже очень старенький, и его всегда клонит ко сну. Но сейчас он сидит прямо, вид у него парадный. Наталья Карповна хлопочет. Она зажигает свечи в медных подсвечниках на рояле и помогает Саше расставлять хористов.

— Тише!— унимает она младших дочек, Женю и Валю, расшалившихся на ковре.

Девочки чинно садятся возле своей гувернантки и расправляют нарядные платья. На голове мадемуазель Бюрнан сооружение из желтых буклей. Ах, вот почему в комнате старой гувернантки целый день пахло палеными волосами!

Афанасий Авксентьевич нетерпеливо барабанит пальцами по столу: пора начинать.

Саша объявляет:

— «Два великана». Слова Лермонтова, музыка Александра Спендиарова.

И хор поет довольно стройно:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Подждал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

«Довольно стройно» — это кажется публике и самим хористам. Саша же требователен. Не обращая внимания на радостные рукоплескания слушателей, он кричит:

— Еще раз! — и, чтобы помочь хористам, подпевает им очень высоким и очень звонким дискантом.

Гимназисты подтягиваются. На этот раз хормейстер доволен.

— «Разбойничья песня!» — объявляет он следующий номер программы. — Слова Сергея Брунса, музыка Александра Спендиарова.

У Саши горят уши. Он волнуется. Вдохновленный шиллеровскими «Разбойниками», он вместе с закадычным своим товарищем Сережей Брунсом писал эту песню несколько вечеров подряд. И вот сейчас она впервые прозвучит на публике!

Запеваet Сашин одноклассник Мурзаев — самый сильный из дискантов. А потом хор как грянет:

Казну богатую с собой мы унесем!

Кажется, получилось неплохо. Саша облегченно вздыхает и утирает лоб.

Теперь он раздает гимназистам партии малороссийской песни «Закувала та сыва зозуля», записанной летом в Каховке, но гимназисты все еще во власти «разбойничьих куплетов».

Когда Саша отворачивается, они щелкают друг друга по затылку.

Потянулась печальная «Зозуля». За нею прозвучал хор из оперы «Иван Сусанин», и на середину залы вышли поэты.

Стихи тринадцатилетнего Сережи Брунса посвящены любви.

А Саша увлекается рыцарской тематикой.

Что смутен Карл? —

читает он свою балладу, выставив вперед ногу и высоко под-
няв голову,—

Какие думы
Тревожат славный лик его?
Что взоры так его угрюмы,
Чело так смутно отчего?
Для пира ли иль для беседы
Сзывает рыцарей своих
Иль вновь задуманы победы?
Нет, не на пир созвал он их.
Прошли уж дни увеселений,
Рука устала от сражений,
Но подвиг ратный не свершен.
Его свершить задумал он...

Бурные рукоплескания публики — награда Саше. Особенно отличается мадемуазель Бюрнан, ни слова не понимающая по-русски. Она восклицает:

— Бравó!

И хлопает так энергично, что подпрыгивают ее желтые букли.

Дедушка Карп Иванович, по-видимому, ничего не слышал. Он задремал под «Зозулю» и теперь тихо посапывает, при-слонив белую голову к спинке кресла. Саша смотрит на отца. Афанасий Авксентьевич с видимым удовольствием поглаживает раздвоенную бороду.

— Я всегда говорил, что Саша весь в меня,— обращается он к Наталье Карповне.— Двенадцать лет мальчику, а какой у него характер крутой в своем деле!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Саше исполнилось пятнадцать лет. Он научился играть на скрипке и так этим увлекся, что ко всему другому потерял интерес.

Как же случилось, что он влюбился? Барышню с книжками, затянутыми ремешком, он встречал каждый день: хорошенькая гимназистка, и ничего больше. Но однажды он увидел Лизу Арендт иначе. Пахло талым снегом и неулови-

мым запахом цветов, доверившихся декабрьскому солнцу. Саша возвращался с репетиции гимназического оркестра. Спускались сумерки, было очень тихо. Саша невольно предался задумчивости и вдруг увидел лицо Лизы, вернее, не лицо, а очарование ее лица, когда в улыбке щурились глаза и на щеках появлялись ямочки.

С этого дня не было мгновения, чтобы Саша не думал о Лизе, не ожидал ее.

Ему казалось, что и все ожидают ее: чистильщик сапог, мимо которого она проходила в гимназию; толстая кондитерша на той стороне улицы...

В праздничные дни, когда на бульваре устраивались гулянья, он думал, проходя мимо скамеек, на которых, луща семечки, сидели симферопольцы:

«Вот счастливец! Она обязательно здесь пройдет, и они могут сидеть спокойно и ждать, а я...»

Каждый уголок бульвара, где бывали их случайные встречи, становился для него священным.

Прошлой осенью возле этой скамейки Лиза Арендт протянула ему ветку перезрелой рябины и сказала, насмешливо оглядев его миниатюрную фигуру в длинной гимназической шинели:

— Вы любите? Натe. Только не вздумайте спрятать на память. Сгниет. Лучше съешьте и запомните вкус на всю жизнь.

А недавно здесь, на этом самом месте, она стряхнула на него ветку мокрой сирени. Он тогда так и остался стоять на повороте иллюминированной аллеи, пока не догорели огоньки в площадках.

С жадностью накинулся он теперь на любовные стихи Сережи Брунса.

— «Я жду тебя! Жду тебя!»— пел он, сопровождая себя на фортепьяно, свой романс на слова Брунса.

«Я жду тебя...» Нет, это не совсем то. Чтобы выразить чувство к Лизе, нужны какие-то особенные слова. Брунс принес ему стихи поэта Козлова, и это оказалось как раз то, что ему было необходимо.

Очарован твоею красою...

«Да, да, именно очарован...»

Эту песню сложил я, любя.
Хоть навеяна песня тобою,
Долетит ли она до тебя?

«Я посвящу Лизе свой романс, и тогда она все узнает...»

У Лени, Мурзаева и Брунса открылись красивые лирические тенора. Они поют Сашин романс с таким чувством, будто сами влюблены.

Вот они собрались в зале спендиаровского дома — весь Сашин литературно-музыкальный кружок.

Сначала разучивали оперу Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», потом Саша стал тихонько наигрывать на скрипке свой романс.

На дворе шел ливень и было так темно, что Наталья Карповна зажгла свечи. И вдруг залу осветил какой-то необыкновенный свет. Из-за сизо-оранжевых туч выглянуло солнце.

Смотрите! Смотрите! Оказывается, в каштановых косах маленькой Жени есть золотые пряди, и в темных волосах Лени, и в волосах всех, подбежавших к окну!

Ливень прекратился.

«Поэты» и «музыканты» бегут в палисадник.

Очарован твоею красою...—

запевает сестра Лиза звонким сопрано.

Эту песню сложил я, любя...—

подхватывают остальные.

«КАРМЕН»

Под темно-зелеными каштанами Ринга¹ перед мраморным памятником Гёте стоит молодой человек небольшого роста в пенсне, в люстриновом пиджаке и черной фетровой шляпе.

— «Остановись, мгновение, ты прекрасно...»— шепчет он, не отрывая глаз от лица поэта.

---

¹ Кольцевая улица в Вене, на месте прежней крепостной стены.

— Саша!—заставляет его встрепенуться нетерпеливый голос Афанасия Авксентьевича.

Отец сидит в фиакре, сердито сжимая в руке янтарную ручку зонтика.

Это было в июле 1890 года. В награду за успешное окончание гимназии (Саша окончил с серебряной медалью) Афанасий Авксентьевич взял его с собой в Вену.

Саша садится рядом с отцом. Фиакр медленно катится по венским улицам.

— Здесь жил Людвиг ван Бетховен,—сообщает им кучер в блестящем котелке.—Здесь умер Франц Шуберт... Вот ресторан «Дейчхауз», в котором обедал Гайдн...

Саша как во сне. Почти каждая улица Вены связана с жизнью гениальных композиторов!

— А здесь,—привычным голосом говорит кучер,—Вольфганг Амадей Моцарт сочинил «Свадьбу Фигаро».

Афанасий Авксентьевич торопится. Ему нравятся венские кафе, он проводит в них большую часть времени.

— Умеют варить кофе, каналы!—обращается он к Саше чуть ли не после каждого глотка венского напитка.

Но Саша безгласен. Он жадно слушает вальсы Штрауса, которые весело играют на скрипке и фортепьяно длинноволосые музыканты.

Венский воздух напоен музыкой Штрауса. Саше даже кажется, что венцы ходят пританцовывая.

Вечером Афанасий Авксентьевич и Саша едут в Венский оперный театр.

Саша волнуется: он только один раз в жизни слышал оперу, да и то в плохом исполнении!

Солисты гастролировавшей тогда в Одессе труппы оперных артистов пели довольно сносно, но оркестр и хор безбожно фальшивили!

Он слушал в Одессе «Аиду» Верди.

Сегодня в прославленном Венском оперном театре дают «Кармен».

Миновал зеленовато-бронзовый купол храма святого Стефана, фиакр катится вдоль нарядных, как рождественская елка, витрин Кертнерштрассе. Еще немного, и они подъедут к коричневому зданию с черными конями на фронтоне. Скорее... Скорее...

Отец и сын в вестибюле театра. Навстречу им несется волнующий гул театральной толпы.

Учтивые капельдинеры в коричневых с золотом мундирах усаживают их на места. Красный бархат золоченых кресел. Блеск хрустальных люстр. Но раздались звуки увертюры, и все исчезло.

Саше казалось, что он сам творит музыку «Кармен», так легко он воспринимал ее и предвосхищал каждую фразу. Как раз в тот момент, когда он страстно желал появления героини, как бы расступились звуки оркестра, а за ними толпа на сцене. Кармен спустилась к притихшей толпе, и с этого момента каждая ее ария, каждое движение были подсказаны Саше его сердцем.

В антрактах Саша наступал кому-то на шлейф, налетал на чью-то завешанную орденами грудь...

— Что с тобой? — озабоченно спросил его Афанасий Авксентьевич, когда — во время трагической сцены гадания — Саша резким движением расстегнул тугой крахмальный воротник.

Юноша был бледен. На лбу выступили капли пота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОДИН ДЕНЬ

ыл конец сентября 1891 года. Как обычно, в одной из аудиторий Московского университета репетировал студенческий оркестр. Среди участников — оба брата Спендиаровы: Леня, студент естественного факультета, играл на виолончели; Саша, студент юридического факультета, сидел за первым пультом первых скрипок. Дирижировал композитор

Николай Семенович Кленовский.

Во время перерыва Саша, по обыкновению, импровизировал на фортепьяно. И вот тут произошло важное, единственное, неповторимое событие, которое навсегда сохранило в его памяти этот день.

Он не был похож на обычный осенний день. Конец сентября — и вдруг зима. Снег лег на красные листья клена в университетском дворе, на маковки зеленых, золотых, синих в крапинку куполов церквей и на булыжную мостовую, по которой, скрипя полозьями, пронеслись первые сани.

Когда братья вышли из калитки университета, Леня участливо спросил Сашу, подняв смушковый воротник его пальто и затянув концы башлыка:

— Ну что? Все еще не можешь радоваться?

— Как это было? — спросил Саша, морщась от мокрого снега.

— Ты сидел за роялем, мы все окружили тебя. Ты играл марш, и вдруг вошел Кленовский. Он поднял палец и на цыпочках подошел к роялю.

— Поднял палец?

— Ну да! Чтобы мы, не дай бог, не спугнули тебя. Встал за твоей спиной и начал внимательно слушать. А ты играешь себе как ни в чем не бывало. Дальше ты сам знаешь.

— Не знаю. Повтори все, как было.

— Он спросил тебя, чей это марш. Ты ответил, что твой; тогда он сказал, что у тебя большие способности, вообще чувствуется талант и что он берется учить тебя теории композиции.

— Еще что?

— Что тебе предстоит композиторское будущее.

Удивительное дело! Радость, светлая, как солнце, живет всюду вокруг Саши. Он чувствует ее в звонких голосах мальчишек, играющих в снежки на углу Столешникова переулка, в раскатистых выкриках извозчиков: «Паберрегись!»

Саша хочет поймать эту радость, сделать ее своей собственной, но это не легко. Может быть, он еще не привык к ней или она так велика, что не умещается в его душе?

ЖРЕЦЫ ИСКУССТВА

От Большой Дмитровки, где квартируют Ляня и Саша, до Тверской рукой подать. Пройти переулком, потом завернуть направо — и, не доходя до Страстного монастыря, меблированные комнаты, в которых проживает Николай Семенович Кленовский.

Мимо чучела медведя с медным блюдом для визитных карточек Саша бежит в коридор, где его встречает знакомый запах плесени и сапожной ваксы.

Все громче звучит музыка. Саша открывает заветную дверь.

Порванные обои, грязные драпировки, засаленная кушетка, и посреди всего этого хлама Николай Семенович Кленовский за стареньким роялем, или «жертвенником искусства», как называет рояль сам композитор. В белой рубашке с незастегнутым воротом, румяный от возбуждения, в которое его приводит музыка, композитор рассеянно отвечает на Сашино приветствие, и вот они уже вдвоем проникают в святая святых гармонии.

Саше иногда кажется, что в убогом жилище его учителя незримо присутствуют композиторы, музыку которых они разбирают. Он играет отрывки из «Дон Жуана» Моцарта, и ему улыбается юноша в голубом камзоле и белом парике, счастливый, торжествующий, — таким воображение рисует Саше великого австрийца. Ведь больной, печальный Моцарт, изображенный на единственном портрете, писанном с на-

туры, никак не вяжется с жизнерадостной моцартовской музыкой!

Кленовский много и горячо говорит о безупречно чистой гармонии Моцарта. Затем он ставит на пюпитр оперу Римского-Корсакова «Снегурочка», и учитель и ученик с благоговением разбирают ее гармоническую ткань. Саше кажется, что она искрится звездами, что от нее исходит аромат ночных фиалок... А сам создатель ее — сказочный лесной владыка.

Римского-Корсакова сменяет Вагнер. Саша никак не может смириться с тем, что композитор, создавший такие грандиозные полотна, как «Тангейзер», «Нибелунги», маленький, сухонький, желчный старичок!

Наконец, на пюпитре появляются сочинения Чайковского. Саша знал Чайковского живого, и этот человек, седой как лунь, скромный, грустный, предстает перед ним, когда Саша разбирает его сочинения.

Он видел Петра Ильича в пролетке на Никитской улице. Видел на репетиции в Благородном собрании. Когда репетиция кончилась, студенты поднялись на эстраду, и Чайковский каждому из них, даже самому нерешительному, протягивал руку в белой перчатке. На следующий день был концерт Чайковского. Вместе с другими почитателями Саша проник во время антракта в курительную. Чайковского окружили друзья. Он был печален, но сдержан и приветлив, несмотря на недовольство своей пьесой «Воевода», впервые прозвучавшей тогда перед публикой.

Еще раз Саша видел Чайковского на премьере «Пиковой дамы».

После каждого акта молодежь, среди которой были Леня, Саша и их товарищи, так громко вызывала: «Чайковский! Чайковский!», перевесившись по пояс через барьер галерки, что из партера поднималось возмущенное шиканье.

После финального действия на сцену вышли все участники оперы. Артисты раскланивались, а Чайковский... тот как бы потерялся среди них. Прижав бинокль к глазам, Саша отыскал белую голову Чайковского. Композитор раскланялся на все стороны и исчез за кулисами, будто не к нему относится огромный успех оперы, будто не он автор музыки «Пиковой дамы», в которой Саша угадывал подлинное человеческое страдание.

По воскресеньям Леня вытаскивал брата в гости — в семью профессора юридического факультета Нерсеса Осиповича Нерсесова.

Сначала Саша чувствовал себя там неловко: молчал или отвечал невпопад, с тоской поглядывая на рояль, потом, неожиданно для самого себя, вставал и шел к инструменту.

К счастью для него, нерсесовские барышни, которые распоряжались своими молодыми гостями, очень любили петь. Это спасало Сашу не только от пустых разговоров, но и от глупейшей, с его точки зрения, игры в фанты, которая тогда была в большой моде. Молодежь окружала рояль, и Саша подбирал по ее требованию все, что угодно: салонные романсы, городские армянские песни... Танцы он тоже играл любые — от кадрили и вальса до камаринской и лезгинки.

В одно из воскресений, когда Леня и Саша, по своему обыкновению, пришли к Нерсесовым, рояль оказался занятым. Как Саша узнал от барышень Нерсесовых, за ним сидел приезжий из Тифлиса — молодой человек по фамилии Мирзоев. Оказаться участником игры в фанты, к которой уже готовились барышни, было для Саши противнее всего на свете. Поэтому он поспешил к своему прибежищу — роялю и уселся рядом с новым знакомым.

Мирзоев играл что-то чрезвычайно привлекательное. Это был восток, но не крымско-татарский, к которому Саша привык с детства, а совсем для него новый. Подперев голову, Саша слушал с большим вниманием.

— Вы, очевидно, страстный любитель музыки? — спросил его молодой человек, доиграв пьесу.

— Да, — покраснев, ответил Саша.

Мирзоев оглядел Сашину фигуру в новеньком студенческом мундире и сказал тоном превосходства:

— Если вы так любите музыку, почему бы вам не заняться ею?

Удивить его? Сказать правду? Ни за что! Начнутся охи, ахи, извинения, вмешаются барышни, поднимется шум: «Да разве вы не знаете, что Саша — концертмейстер первых скрипок в студенческом оркестре?.. Да разве вы не знаете, что он прекрасно импровизирует на фортепьяно, что он учится теории композиции у Кленовского?» Нет, уж лучше он промолчит.

— Вы армянин?— продолжал свои расспросы молодой человек.

— Да,— просто ответил Саша.

— А родину свою вы любите?

— Армении? Но ведь я ее совсем не знаю!

— Родина нуждается в нас,— строго взглянув на Сашу, сказал его соотечественник,— и этого достаточно, чтобы мы ее любили.

— Она нуждается в нас, и поэтому я могу ее полюбить?— задумчиво переспросил Саша.

Он погрузился в размышления. Родина, которую он совсем не знает, нуждается в нем...

— Но как же быть? Я сейчас никак не могу поехать в Армению!— воскликнул Саша.

— Родина — это не только земля. Это история, поэзия, музыка.

«История, поэзия, музыка...»— повторил про себя Саша.

С этого дня, едва переступив порог нерсесовской квартиры, он шел в кабинет Нерсеса Осиповича, где, попыхивая сигарами, беседовали друзья и коллеги профессора.

Примостившись на краю кожаного дивана, Саша слушал.

«Есть безотчетная любовь, но я хочу знать родину, тогда любовь моя станет глубже»,— думал он, впитывая каждое слово, открывающее ему новое об Армении.

Страна его лежит на пути полчищ завоевателей. Римляне, арабы, византийцы, монголы, персы, турки вытапывали поля и пастбища Армении, убивали жителей, уничтожали древнюю культуру одного из древнейших народов мира.

Многие жители уходили в другие страны. Беженцы старались сохранить свои обычаи, свою культуру, но позднее часть из них ассимилировалась с другими народами. Саше невольно вспомнились его крымские родственники, которые плясали татарские танцы, исполняли татарские песни и только изредка пели армянские песни, унаследованные от предков.

Армения как самостоятельное государство не существовала с XI века! Сейчас это Эриванская губерния, управляемая русским губернатором. В губернском городе Эривани очень мало армянской интеллигенции. Передовые армяне живут в других городах России, и главным образом в Тифлисе. В Тифлисе подвизается Армянская постоянная драматическая группа, возглавляемая режиссером Петросяном.

Тифлис — это, можно сказать, центр армянской культуры. Там издаются армянские газеты, журналы...

Армяне московской колонии тоже трудятся на пользу своего народа. Непременный участник нерсесовских вечеров Григорий Амбарцумович Джаншиев написал две книги о трагической судьбе армян.

Книги привлекли внимание русской и зарубежной общественности. Чтобы помочь армянским нуждающимся студентам, устраиваются благотворительные концерты. Саша Спендиаров — один из их участников. Он аранжировал для хора свой первый армянский романс «К розе» и армянские песни, напетые ему нерсесовской молодежью. Уже два армянских хора — в Москве и в Симферополе — поют армянские песни под его управлением.

«Всего этого слишком мало», — вздыхает Саша, готовый хоть сейчас к открытой борьбе за возрождение Армении.

«Но чтобы доказать свою любовь к родине, надо быть стойким, терпеливым и совсем не думать о себе», — убеждает его через мгновение, прислушавшись к словам Нерсеса Осиповича Нерсесова, высокого чернобородого человека с добрым, умным лицом.

Нерсес Осипович не надеется дожить до возрождения Армении.

— Прежде чем это случится, — говорит он, — надо пройти много этапов, и каких этапов... Свержение самодержавия, переход власти в руки народа...

Но мысль не увидеть возрожденную Армению не пугает профессора.

— Я увижу ее глазами моих детей, — говорит он уверенно.

САМООТРЕЧЕНИЕ

Саше было двадцать четыре года, когда он решил отречься от житейских радостей.

— Только отдав всего себя искусству, можно сделаться настоящим артистом, — сказал он брату Лене.

— Значит, ты никогда не женишься?

— Никогда.

— И детей тебе не надо?

— Я буду любить твоих детей.

— Ну, а как же Айвазовский? Замечательный художник, а и жена у него есть, и дети, и внуки?

— Айвазовский совсем другой человек.

«Он вместилище, именно вместилище,— рассуждал сам с собой Саша, шагая летом 1895 года по феодосийским улицам.— Какие только черты не уживаются в его характере! То он строг и недоступен, то так прост и легок!»

Вот сейчас, например, Саша войдет к нему в мастерскую, и художник будет радостно приветствовать его с верхней перекладины лестницы, приставленной к громадному мольберту.

«А... молодой Моцарт!— воскликнет он.— Пожалуйста! Пожалуйста! Ну, как музыкальные дела? Написали что-нибудь новенькое?»

Ни на секунду не отрываясь от работы, он будет напевать, рассказывать анекдоты, а когда настанет время отдыха (Айвазовский строго соблюдает рабочий режим), сменит черный бархатный халат на сюртук и поведет Сашу в залу.

Начнется музицирование. Сначала Саша сыграет Айвазовскому свои новые пьесы. Потом художник возьмет скрипку, упрет ее, как кяманчу, в колено и будет играть татарские мелодии.

Иван Константинович их знает множество. В тридцатых годах Айвазовский наиграл татарские песни Глинке, и тот воспользовался ими для «Руслана и Людмилы».

Потом они пойдут обедать, и тут начнутся рассказы о путешествиях (Айвазовский объехал весь мир, был даже в Америке), о встречах с великими людьми, и, главное, о Пушкине. Шутка ли? Айвазовский видел Пушкина! Правда, только несколько минут на выставке молодых художников, но этого было достаточно, чтобы запомнить энергичное пожатие маленькой руки Пушкина, его взгляд и болезненный цвет лица, который заставил молодого человека задуматься: не болен ли его кумир?

Рассказывает Айвазовский с огромным увлечением, и в то же время он кажется Саше спокойным, уравновешенным, словно ни встречи, ни переживания не нарушили гармонии в его душе.

А Саша слаб. Вот и теперь после участия в благотворительном концерте он сидит без дела в Феодосии, потому что внучка Айвазовского, приехавшая из Петербурга, каждый день ждет его прихода.

— Ах, пришли!— радостно восклицает она и смотрит на одну из своих тетушек торжествующим взглядом: «Вот видишь, тетя, я ведь тебе говорила».

Обычно тетка садится за рояль и по Сашиной просьбе играет старинные татарские песни и пляски. Саша тут же записывает их, гармонизирует по-своему и проигрывает на рояле.

— Чудо! Чудо!— восклицает Варя Мазирова, поднимая на Сашу черные восторженные глаза.— Как это у вас так быстро получается?

Наконец Саша берет себя в руки и объявляет Варе, что завтра уезжает. Девушка явно огорчена. Она поднимает на тетушку прекрасные черные глаза и протягивает Саше холодную ручку.

Саша заставил себя сесть в почтовую карету и всю дорогу до Симферополя его тревожила мысль: «А вдруг как я ей нужен, действительно нужен?»

Вернувшись домой, он никому не рассказал о своей встрече. Одно неосторожное слово о Варе— и по всему городу пойдет слух, что он хочет жениться.

Нужен? Он? Такой невзрачный, такой рассеянный? До сих пор он вызывал у барышень только добродушное участие. Саша невольно представил себе возле Вари Леню. Вот это другое дело! Леня с Варей могут быть счастливы.

«Да, да,— думал Саша, войдя в столовую и молча усевшись за стол.— Варя и Леня— они удивительно подходят друг к другу».

— Как поживает Иван Константинович Айвазовский?— прервала его размышление мать.

Саше почему-то стало неловко. «Неужели догадываются?»— подумал он и густо покраснел.

— Кто сейчас гостит в Феодосии? С кем ты познакомился?— продолжала интересоваться Наталья Карповна.

— В Феодосии гостит петербургская внучка Айвазовского!— сказал Саша громко и подчеркнуто, словно желая заглушить охватившее его чувство неловкости.— У нее прекрасный голос да и сама она прекрасна!

За столом все молчали, ожидая услышать что-то очень важное. Беспечно болтавшие до сих пор сестрицы навестили уши. Мать подалась вперед. Мадемуазель Бюрнан значительно улыбалась.

— Лучшей невесты...— начал было Саша и запнулся.

Еще мгновение — и надежде на счастье, с которой ему так трудно расстаться, придет конец.

— Лучшей невесты для Лени представить себе невозможно! — сказал он очень решительно и вышел из столовой.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Единственное средство от тоски — это работа. У Саши ее было очень много. Во-первых, подготовка к государственным экзаменам. Во-вторых — и это самое главное, — приведение в порядок своих музыкальных сочинений, чтобы по окончании университета показать их Римскому-Корсакову.

Он уединился в симферопольском «флигеле мальчиков» — пристройке, в которой находилась его комната и комната Лени. Там было тихо. Зато в большом доме царило невообразимое оживление.

— Леня женится! — повторялось на все лады в гостиной Натальи Карповны. — Леня женится на внучке Айвазовского. Все это произошло совершенно необычайно. Первым с ней познакомился Саша, пришел от нее в восторг и решил, что Леня должен на ней жениться. Леня увидел Варвару Леонидовну Мазирову в петербургской армянской церкви и влюбился. Она тоже. Можно разве не влюбиться в Ленечку? Теперь они уже помолвлены. Леня так счастлив!

— А Саша?

— Ну конечно, доволен! Он обожает Леню.

«Как скоро они через меня перешагнули, — думал Саша, сидя за обедом в столовой большого дома. — И Варя, и Леня, и все. Только я сам никак не могу через себя перешагнуть...»

Весной Саша поехал в Москву. Закрывшись ото всех в наемной квартире, он зубрил и зубрил, надеясь отделаться наконец от юридических наук, чтобы всецело отдаться музыке. Но его постигла неожиданная неудача.

«Саша провалился на экзаменах! — полетели телеграммы из Петербурга в Симферополь и Каховку. — Что он, бедный, будет делать?»

А Саша уже был в Петербурге. Откладывать встречу с Римским-Корсаковым он больше не мог.

Был хмурый день, когда пролетка везла его к заветному дому. Каждая улица, каждый поворот приближали Сашу к Римскому-Корсакову.

Он торопился и в то же время сдерживал себя, поднимаясь по отлогой лестнице с коричневыми деревянными перилами... Остановившись на площадке второго этажа, заглянул в записную книжку. Квартира № 39. Саша подошел к двери, обитой клеенкой, и прочел надпись на медной дощечке. Сейчас он нажмет звонок, и уйти уже будет невозможно. Он позвонил. Послышались шаги. Горничная в белом чепце открыла дверь. От сердца отлегло. Время еще есть. Но времени уже не было: из боковой двери вышел Римский-Корсаков!

Все заранее приготовленные слова вылетели из Сашиной головы. В первое мгновение он мог только молча смотреть на высокого, худого, седобородого человека. Потом он заговорил горячо, сбивчиво. Откуда взялась у него такая болтливость?

Римский-Корсаков помог ему раздеться и сам повесил пальто на вешалку. Потом вежливо пригласил его в залу. И только усевшись по привычке за рояль, Саша разглядел глаза Римского-Корсакова за толстыми стеклами очков: суровые и очень серьезные, тотчас же охладившие его юношеский пыл.

Как мало ему было сказано в ответ на восторженное признание! Не отрывая от Саши вежливого, но холодного взгляда, Николай Андреевич предложил ему оставить работы для просмотра.

И вот наступило 10 мая 1896 года — день, назначенный ему Римским-Корсаковым.

На душе у Саши было пусто, когда он тащился в пролетке к Загородному проспекту. Опять тот же дом, тот же двор с чахлыми деревьями, та же лестница, надпись на медной дощечке.

Он нажал звонок. Открыла горничная в белом чепце. Никто не вышел из боковой двери. Горничная протянула Саше конверт. Отказ, конечно, отказ! Саша выскочил на площадку, разорвал конверт: визитная карточка Римского-Корсакова и на ней что-то написано.

Саша поднес карточку к окну, и в глаза его бросились слова, наполнившие его счастьем до краев:

«Заниматься следует непременно».

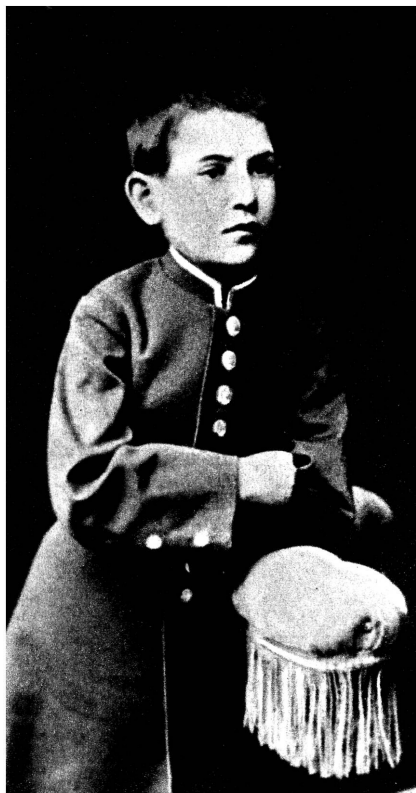

Афанасий Авксентьевич Спендиаров,
отец композитора.

Наталья Карповна Спендиарова, мать
композитора.

Александр Спендиаров в возрасте 6—
7 лет.

А. Спендиаров — гимназист I класса.
1882 г.

Дом Спендиаровых в Симферополе.
Снимок 1956 г.

А. Спендиаров — выпускник Симферопольской
гимназии. 1890 г.

А. Спендиаров — студент I курса.
Московского университета. 1890 г.

Н. О. Нерсесов.

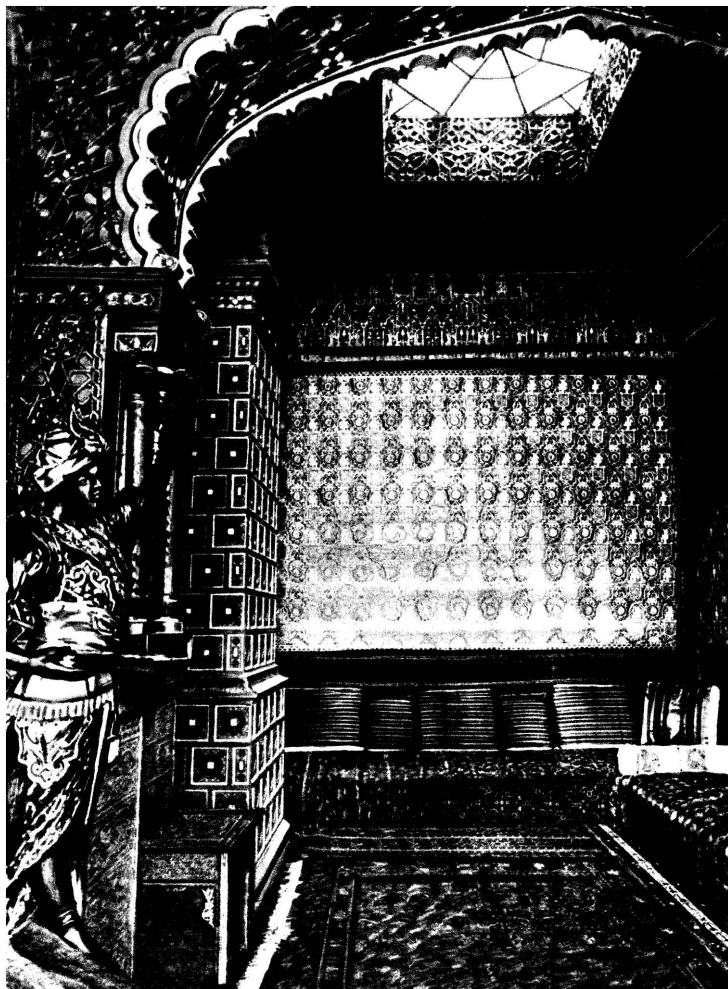
Леонид Афанасьевич Спендиаров — брат
композитора.

А. А. Спендиаров. 1897 г.

Варвара Леонидовна Спендиарова.
1895 г.

«Мавританская» комната в ялтинском доме Спендиаровых.

В. Л. Спендиарова с детьми. Сидят на полу: слева Марина, справа Татьяна. На диване Елена и Леонид. 1905 г.

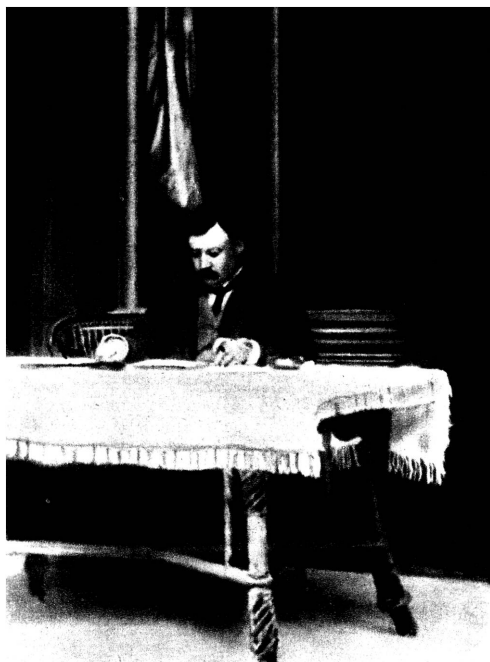
Дом Спендиаровых в Ялте.

Слева направо: А. А. Спендиаров, артистка Е. И. Збруева, А. С. Аренский, Н. Н. Аmani.

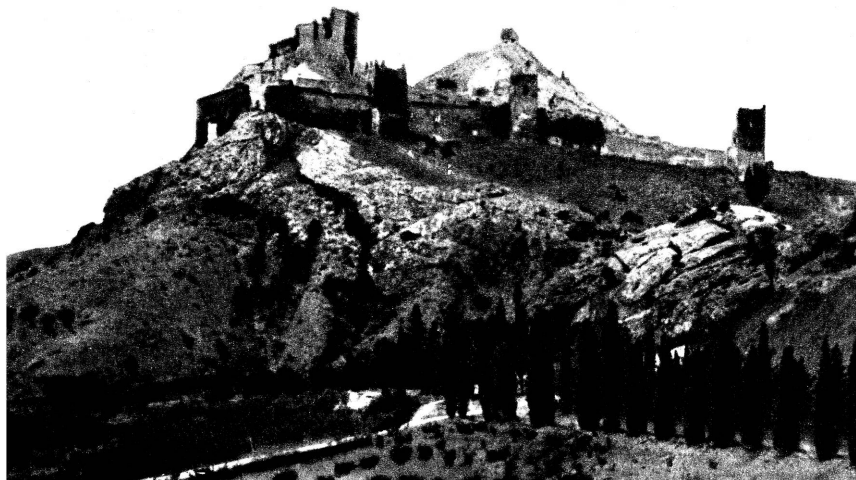
А. К. Глазунов на террасе ялтинского дома Спендиаровых.

А. М. Горький. 1902 г.

Н. А. Римский-Корсаков. Портрет
работы В. Серова.

Судак. Генуэзская крепость.

Военкомбриг В. В. Орловский.

С. Я. Парнок. 1917 г.

Флигель дома Спендиаровых в Судаке. Здесь А. А. Спендиаров писал оперу «Алмаст»

Пляска девушек *L. Spendiary*

The image shows a handwritten musical score for a piece titled "Пляска девушек" (Dance of the Girls) by L. Spendiary. The score is written on ten systems of staves, each consisting of a treble and bass clef. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and dynamic markings. The first system begins with a treble clef and a key signature of one flat, and includes the instruction "p piano". The score is densely written with musical notation, including slurs, ties, and various dynamic markings such as "cresc", "mf", and "dim". The handwriting is clear and professional, typical of a composer's manuscript.

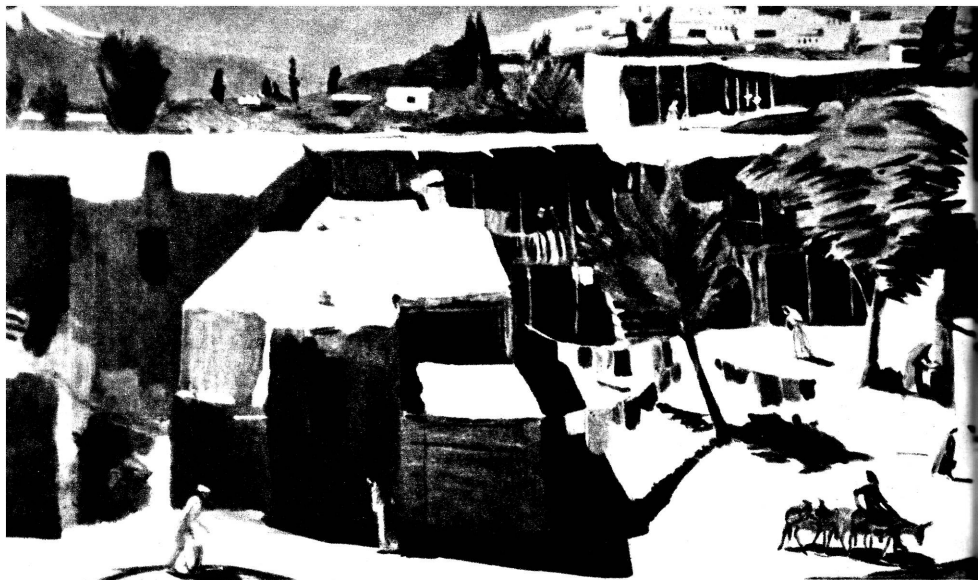
Автограф А. А. Спендиарова: «Пляска девушек» из оперы «Алмаст».

О. Туманян.

А. А. Спендиаров за работой. Рисунок М. Спендиаровой.

М. Сарьян. «Старый Ереван».

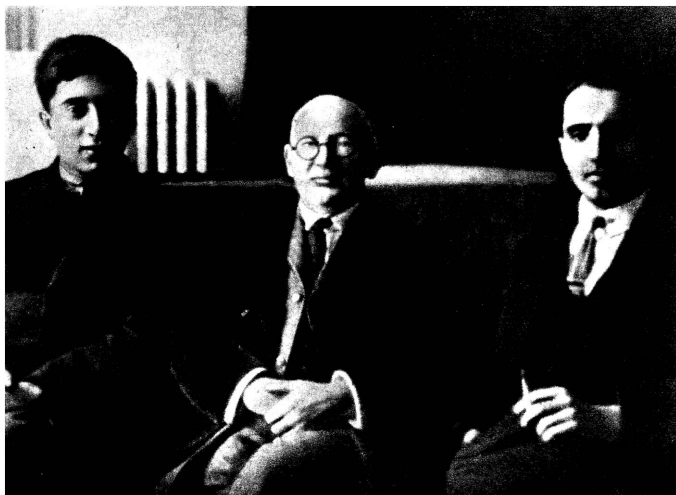
Рабочий кабинет А. А. Спендиарова в Ереване.

А. А. Спендиаров. 1926 г.

Слева направо: А. И. Хачатурян, А. А. Спендиаров, дирижер Г. Е. Будагян.

Памятник композитору перед зданием Ереванского театра оперы и балета им. А. А. Спендиарова.

Римский-Корсаков согласился быть Сашиним учителем. Это была большая победа. Все поздравляли Сашу, а когда очередь дошла до Лени, он обнял его и сказал:

— Варя так рада за тебя! Она очень любит тебя... («очень» — какое ледяное слово). А я... ты знаешь, как я тебя люблю! Моя семья будет твоей семьей.

К этому времени Саша уже поборол свое чувство. Он был еще немного грустен, но иссушающая тоска прошла. Саша мог жить и работать, а главное, искренне желать другим недоступного ему счастья.

Радостно было смотреть на Варю и Леню, когда, уверенные в своем светлом будущем, они после свадьбы уезжали в Вену, где Леня работал над магистерской диссертацией. Когда они весело кивали ему из окна вагона, Саша думал:

«А ведь действительно перед Ленией устоять невозможно. Какое у него красивое, милое лицо — юношеское, несмотря на пенсне и бородку».

Саша стал бывать в среде петербургских музыкантов. Мог ли он когда-нибудь вообразить, что будет желанным гостем в семье Римского-Корсакова, что на него будет ласково смотреть Лядов; что, усевшись за рояль рядом с блестящим пианистом Феликсом Blumenfeldом, он решится играть с ним в четыре руки?

Стеснялся он только в присутствии Глазунова, того самого Глазунова, о симфоническом произведении которого «Кремль» Кленовский сказал: «Эккая машина!» Саша представил себе тогда автора боярином-великаном, с громовым голосом и в бобровой шапке до потолка.

Глазунов действительно оказался великаном — мрачным, тучным, с опущенными кончиками усов. Но голос у него был очень мягкий, что совсем не вязалось с его внешностью и колючим взглядом маленьких карих глаз.

Особенно нравился Саше Лядов, а невзрачен он был — лыс, с брюшком. Оба они больше молчали — и Лядов, и Саша, но какая-то нить понимания сразу протянулась между ними. Саше казалось, что Лядов хранит глубочайшую тайну и раскрывает ее только тогда, когда играет свои сочинения. Думая об этом, Саша пристально смотрел на композитора и ловил на себе его ответный взгляд, который как бы говорил:

«Правда, Александр Афанасьевич, вы угадали, голубчик».

«А я молчу, потому что чувствую себя таким ничтожным в сравнении со всеми вами»,— говорил Сашин взгляд.

«Как хорошо, что вы такой скромный,— ласково улыбался ему Лядов.— Потому-то вы мне и нравитесь».

Римский-Корсаков представлялся Саше необъятным. Его поражала страстная потребность этого с виду замкнутого человека делиться с учениками и друзьями самыми сокровенными своими сомнениями.

Однажды он встретил Сашу словами:

— Я только за репетиции «Царской невесты». Послушали бы вы, что это за гадость!

«Гадость»? Опера Римского-Корсакова? Через несколько дней Саша присутствовал на премьере «Царской невесты» и пришел в неистовый от нее восторг! Каким требовательным к себе и вместе с тем уверенным в своих творческих возможностях должен быть музыкант, так резко осуждающий свое сочинение!

— Я написал один квартет, одну симфонию, одну фантазию,— говорил Римский-Корсаков Саше.— Идеал композитора— это Петр Ильич Чайковский. У него и оперы, и симфонии, и квартеты. Надо стремиться во всех музыкальных жанрах быть на должной высоте.

В занятиях с учениками Николай Андреевич был строг и взыскателен.

— Вы любите музыку, вы хотите стать музыкантом, так извольте трудиться в поте лица,— говорил он Саше.— Теорию вы должны знать назубок— в этом залог будущих успехов. Путь у вас прямой. Идите не останавливаясь, не поддаваясь случайным настроениям, не пасуя перед трудностями.

«МОЯ СЕМЬЯ БУДЕТ ТВОЕЙ СЕМЬЕЙ...»

1897 год начался для Саши необыкновенно удачно. Работая в поте лица, он к марту окончил изучение контрапункта и приступил к фуге. В середине марта он выехал в Москву для сдачи при Московском университете государственных экзаменов. На этот раз экзамены проходили успешно. Саша получил диплом первой степени и, как боевой трофей, отвез его Афанасию Авксентьевичу.

Он вернулся в Симферополь в штатском сюртуке и с аккуратно подстриженной бородкой. Все в доме Спендиаровых дышало радостным ожиданием. Расставлялась новая мебель, менялись обои, в галерее появились кадки с вечнозелеными растениями, в зале — модные красные абажуры. Дорожки в саду были посыпаны гравием. Роз, гвоздик, левкоев расцвело уйма! Почтальон приносил приятные известия из Вены, и наконец сияющий телеграфист доставил телеграмму о рождении внука.

«У нас в последнее время радость сменяется радостью,— писала Сашина сестра Валя невестке, поздравляя ее с рождением сына.— Сначала окончание Сашиных экзаменов, потом... Ты не можешь себе представить, в какой неописуемый восторг пришел папа, узнав, что ты исполнила его заветное желание — подарила ему внука...»

В июле приехала Варвара Леонидовна с компаньонкой Эльвиной Ивановной (или Аленькой, как называла ее Варвара Леонидовна) и беленьким голубоглазым младенцем.

На какую мадонну стала похожа Варя? Черноглазая, жизнерадостная, счастливая, она прогуливалась в цветнике с ребенком на руках, и Саше казалось, что она не идет, а плывет в облаке, сияющем небесным светом.

— Леня недолго пробудет в Вене,— рассказывала она следовавшей за нею Вале.— Он поедет в Петербург на геологический конгресс. А потом придет к нам...

В конце июля Саша получил известие о том, что дирижер севастопольского оркестра включил в программу симфонических концертов его «Гавот в старинном стиле».

— Дядя поедет в Севастополь,— говорил Саша улыбавшемуся во весь рот младенцу,— и скоро вернется. Дедушка тоже поедет с дядей и тоже скоро вернется...

Все шло так необыкновенно хорошо и удачно! В Севастополе Саша впервые услышал свою музыку в исполнении симфонического оркестра. Был большой успех. На радостях отец и сын решили съездить в Гурзуф. Они наняли там дачу у самого моря. Пили утренний кофе на террасе и любовались пейзажем. И вдруг пришла телеграмма:

Леня скоропостижно скончался.

Как долго едет фаэтон от вокзала! А собственно, куда они торопятся? Лени нет. Жизнь остановилась.

Отец и сын подошли к комнате невестки. Варя кормила

грудью ребенка. Из щели между ставнями падал на нее луч солнца.

Здесь еще царило счастье. Надо было хоть ненадолго сохранить его. Отец и сын отошли от двери.

Саша пошел в «флигель мальчиков». Он застал там мертвую тишину. Потом раздался бой часов.

Вышел в сад. Сорвал гвоздику.

Откуда у отца столько сил? Он советует Варе ехать в Петербург. Он говорит, что в Петербурге заболела его старшая дочь Лиза. Наталья Карповна прислала телеграмму из Петербурга и просит Варю приехать к Лизе как можно скорее. Но Варя и слышать не хочет. Она капризничает. Она говорит обиженным тоном:

— Да куда вы меня везете? Ленечка просил ждать его здесь, не сегодня-завтра он приедет!

В вагоне она все волновалась, как встретит ее Леня. Он, конечно, обрадуется, но все-таки...

Потянулся петербургский пригород. Наконец вокзал...

Афанасий Авксентьевич вышел первый, за ним Валя, Саша, за Сашей Варя с младенцем...

Все родственники в траурных одеждах выстроились на перроне.

На лице Вари выразилось сперва недоумение, потом она передала Саше ребенка и с воплем: «А где же Леня?» — бросилась к Наталье Карповне.

Прошло несколько месяцев. Убаюкивая Лесеньку (мальчика назвали в честь отца Леонидом), Саша напевал ему «Колыбельную». Он гармонизовал ее, сыграл Варе и обрадовался улыбке, так редко освещавшей теперь ее лицо.

Варя запомнила мелодию Сашиной «Колыбельной» и часто напевала ее сыну тоненьким голоском. А Саша сидел рядом с ними, потому что всюду вне Лениной семьи ему было пусто.

Прошло еще некоторое время, когда он смог начать работать в своей комнате. Из «флигеля мальчиков» стали доноситься звуки фуг... Но долго оставаться без Вари и Лесеньки Александр Афанасьевич не мог. Он подходил к окну, протирал запотевшее стекло. По аллее шла Варя, закутанная в пуховую шаль. Она катила перед собой коляску, в которой восседал Лёнин мальчик.

— Вот мы и пришли, вы не сердитесь?— говорила она,

появляясь на пороге:— Уж очень соскучились по вас, Сачечка!

Варвара Леонидовна располагалась с младенцем на диване, и Лесенька сначала прыгал под сочиненную для него веселую песенку, а потом засыпал под убаюкание «Колыбельной».

В Петербурге, куда Александр Афанасьевич вернулся той же зимой для возобновления занятий теорией композиции, он долго простаивал перед витринами магазинов, мысленно выбирая игрушки, которые он подарит Лесеньке. Сначала это были резиновые лошадки, потом лошадки железные, заводные, а когда Лесенька подрос — лошадки на палочках, оседлав которые, мальчик носился по саду, покрикивая, как когда-то Ленья:

— Н-но, милые, поторапливайтесь! Н-но!

НАЧАЛО ТЕРНИСТОГО ПУТИ

— Каждый день садитесь за стол и пишите,— говорил Римский-Корсаков Спендиарову, когда тот жаловался на полное отсутствие вдохновения.

Саша долго не мог смириться с потерей брата. Отвращение к действию, желание остановиться, не чувствовать сменялись у него стремлением к Варе и Лесеньке. Но ехать в Симферополь он пока не мог.

На настойчивые призывы Варвары Леонидовны Александр Афанасьевич неизменно отвечал: «Одно из двух: или совсем оставить музыку, или заниматься ею энергично» — и продолжал жить в Петербурге.

Каждый день он садился за стол и писал. Собрав все силы, Спендиаров сосредоточенно работал над заданиями Римского-Корсакова, и чем труднее они были, тем тщательнее он их исполнял.

А Николай Андреевич восхищался:

— Как легко Александр Афанасьевич овладевает техникой письма!

«Колыбельная для фортепьяно», посвященная племяннику, вокальный квартет и несколько романсов, написанных легко, одним дыханием — в них выразилась любовь к Варваре Леонидовне и ее сыну, — это было все, что он сочинил после смерти Лени.

Занятия с Римским-Корсаковым подходили к концу, и, завершая их, Спендиаров должен был написать крупное симфоническое произведение, в котором проявились бы все знания, приобретенные за годы изучения теории композиции.

Работа подвигалась медленно, неровно. Александра Афанасьевича порой охватывало отчаяние, он терял веру в себя и в свои творческие силы. То казалось ему, что окончание близко, что пьеса выходит из его рук совершенной, то снова он находил в ней изъяны.

Наконец «Концертная увертюра» была написана и одобрена Римским-Корсаковым. Сознание победы над собой вызвало у Александра Афанасьевича давно забытое чувство радости. У него появилась вера в свое право на счастье, показалось излишним бороться с чувством, прошедшим все испытания. Приехав ненадолго в Симферополь, Спендиаров сказал об этом Варваре Леонидовне. В феврале 1901 года она стала его женой.

Летом того же года в Павловске состоялось первое исполнение «Концертной увертюры».

Александр Афанасьевич сидел в публике. Первые же звуки «Увертюры» вызвали у него горькие воспоминания о пережитых страданиях.

Спендиаров стал с опаской оглядываться. Как отнесутся слушатели? За несколько рядов до него сидел Глазунов. Ничего нельзя было понять по его лицу, всегда сохранявшему мрачное выражение.

А вот какие-то почтенные старички в длинных сюртуках и с окладистыми бородами. Лица их сосредоточенны.

Родственник Варвары Леонидовны Жорж Меликенцов, переживающий музыкальные поражения и успехи Александра Афанасьевича как свои собственные, сияет... И Варвара Леонидовна, и все.

Музыка «Концертной увертюры», кажется, нравится. Разве заметно, каким страданием она рождена?

Оказывается, преодоление себя, достигнутое композитором во время работы, равносильно вдохновению. Как они рукоплещут! Как рукоплещут! Люди ищут его глазами, обращаются, встают.

Варвара Леонидовна легонько подтолкнула Александра Афанасьевича, и он двинулся к эстраде, не зная, имеет ли он право радоваться.

Дня через два в газетах появились рецензии. Просмотрев хвалебные, Александр Афанасьевич остановился на ругательных.

«Бедный отец!— подумал Александр Афанасьевич.— Он обязательно прочтет эти рецензии. Старший сын, на которого он возлагал столько надежд, умер. Второй оказался негодным музыкантом, и Петербург осмеял его». Ах, если бы он мог заставить этих рецензентов отказаться от своего злословия! Александр Афанасьевич задумался. Римский-Корсаков... Как часто его путь перебегают эти завистливые чудовища! А он тверд. Николай Андреевич чувствует себя еще крепче от сознания своего превосходства над ними. Ну что ж? И он, Александр Спендиаров, найдет в себе силы подняться над хулителями. Его дело писать музыку, несмотря на все препятствия.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В ЯЛТИНСКОМ ДОМЕ

июле 1901 года Александр Афанасьевич и Варвара Леонидовна поселились в Ялте, в старом доме с колоннами и с драконами на крыше. В комнатах было пусто и мрачно. Но постепенно все изменилось. Приглашенные из Одессы мастера превратили молельню бывшей обитательницы дома в яркую «мавританскую» комнату. На потолке темной столовой изобразили веселую охоту на оленей. Во всех комнатах появились пестрые изразцовые печи. Вместо прежних мрачных покоев были устроены: будуар Варвары Леонидовны, кабинет Александра Афанасьевича, Лесина детская с бесчисленными игрушечными лошадками; бабушкина комната, в которой всегда пахло лекарствами; дедушкина канцелярия, где Афанасий Авксентьевич рассчитывался с рабочими.

Рабочие не переводились в новом жилище Спендиаровых. Афанасий Авксентьевич придумывал всякие усовершенствования, вкладывая в устройство жизни своего единственного теперь сына всю сохранившуюся у него энергию.

В доме было шумно и суетливо: стучали молотки, звенели развешиваемые люстры. Из соседнего городского сада доносились звуки духовой музыки, и над всем этим весело порхал голос Варвары Леонидовны, разучивавшей с Александром Афанасьевичем его новый романс на слова Майкова:

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят...

И вдруг все остановилось. Афанасий Авксентьевич умер. В два дня, от пустяка, от маленькой ранки, вызвавшей заражение крови. Он лежал в гостиной, и даже музыка, доносившаяся из городского сада, не нарушала зловещей тишины, царившей вокруг него.

Особенно пугающей становилась тишина в темных коридорах и в «мавританской», которую словно охраняли бронзовые фигуры мавров. Походив по дому, Леся убежал в сад и бродил по аллеям, волоча за собой палку с лошадиной головкой.

В саду было пустынно. Только садовник Павел вяло подметал дорожки, окапывал деревья...

Но вот однажды в саду появились ярко одетые люди. Они стали приходить каждый день. Лесе было весело смотреть на их красные пояса и шитые золотом жилеты, мелькавшие среди пальм и магнолий. Музыканты усаживались на мраморных ступенях террасы в ожидании Александра Афанасьевича. Он выходил к ним грустный, задумчивый, но, как только начинала звучать музыка, записывал народные напевы, подпевал музыкантам, а иногда слушал молча, и лицо у него становилось «нездешнее», как говорила Варвара Леонидовна.

Прошло еще некоторое время, и музыка зазвучала в доме. В гостиной стали собираться незнакомые Лесе дамы и господа. Они становились у рояля и пели вокальный квартет «Ветка Палестины», который Александр Афанасьевич начал сочинять незадолго до смерти Афанасия Авксентьевича.

Печальная музыка вновь напоминала о недавнем горе, и Наталья Карповна, сидевшая в уголке гостиной в черном платье и черной наколке со стеклярусом, утирала тихие слезы.

Зимой, когда в саду увяли цветы и даже исчезли ягоды, красневшие осенью среди черно-зеленых листьев лавровишен, дом снова оживился.

Варвара Леонидовна переселилась из спальни в Лесину детскую, Леся с воспитательницей Аленькой — в комнату, которая с тех пор стала называться большой детской. Потом все стали чего-то ждать. Александр Афанасьевич входил на цыпочках в большую детскую и взволнованно шептался с Аленькой. Шептался он и с бабушкой Наташей. И наконец, когда Леся начал подозревать, что от него скрывают что-то важное, в маленькой детской появилась сестричка.

Однажды, когда в доме Спендиаровых шла репетиция ялтинского музыкально-драматического кружка (Александр Афанасьевич был избран товарищем председателя этого кружка), в гостиную вошел один из участников — лечащий врач Горького, Алексин, и стал рассказывать, что прямо от Горького, что писатель страстно любит музыку, и вообще, намеревается ли Александр Афанасьевич поехать с визитом к Алексею Максимовичу?

Отправились на следующий же день. Стоял февраль, но солнце было деятельно по-весеннему: пузырилось на море белыми бликами, слепило глаза и поднимало от земли запах запыленной коры и первых цветов.

Алексей Максимович Горький, находившийся в 1901—1902 гг. под гласным надзором полиции, жил в Олензе (окрестность Ялты) на даче, окруженной миндалевой рощей.

Алексина и Спендиарова пригласили в столовую. Здесь было множество людей, толпившихся вокруг стола, заставленного винами и закусками.

О безграничном гостеприимстве писателя Спендиаров знал от Алексина. Теперь он с интересом рассматривал гостей Горького. Кто этот длинноволосый человек, одетый в поддевку и сапоги? Вероятно, писатель Скиталец? Да, Скиталец.

Какие-то люди в очках спорят, перебивая друг друга. Тут же ялтинские гимназисты. Когда люди в очках, подняв бокалы, провозглашают: «Да здравствует революция!» — гимназисты подхватывают здравицу счастливыми голосами.

А вот писатель Бунин. Александр Афанасьевич не раз видел его на ялтинском сквере. Он тоже носит поддевку, как и Горький, но борода у него подстрижена по-модному и волосы гладко причесаны на косой пробор. Писатель Леонид Андреев тоже в поддевке... А где же Горький?

И вдруг, откидывая на ходу гриву прямых волос, в столовую вошел Максим Горький.

Подойдя к Спендиарову, он ласково пригласил его в свой кабинет.

Волнение, которое испытываешь, встретившись впервые с очень известным, выдающимся человеком, обычно подавляет, а особенно застенчивых людей лишает дара речи.

Александр Афанасьевич не мог проронить ни слова, но,

увидев из окна кабинета гладкое голубое море, невольно воскликнул:

— Какая прелесть!

И услышал за собой добродушную окающую речь:

— А я не люблю спокойное море. Бурное море мне гораздо больше по душе.

Заговорили о море. Потом перешли к музыке. У Александра Афанасьевича развязался язык. Он заговорил о татарских народных напевах, которые в то время записывал и обрабатывал, и с увлечением сказал:

— Я люблю их с детства, понимаете, с детства, даже, можно сказать, с младенчества.

— Понимаю,— мягко улыбнулся Горький,— именно в детстве зарождаются вкусы.

— Я собираюсь написать сюиту из этих обработок.

— Вам можно позавидовать. Вы так близко подошли к народу.

— Все крымское: крымская природа, старинные татарские напевы,— это пока та сфера, в которой я работаю...

Стемнело. Писатель зажег свечу. Как причудливо расположились на его лице свет и тени! Все в его внешности грубо и могуче: лицо, руки, голос... Но какие всепроникающие, нежные у него глаза!

— Я стихов вообще не пишу,— сказал Горький,— все равно лучше Пушкина не напишешь. Пушкин за всех поэтов русских вперед на двести лет написал!— провозгласил он громовым голосом, а потом заговорил тихо и, как показалось Александру Афанасьевичу, виновато:— И все-таки согрешил я, написал по валашской легенде песнь в стихах «Рыбак и фея».

Он подошел к письменному столу и, пошарив в ящике, протянул Александру Афанасьевичу исписанный листок:

— Если понравится, напишите музыку.

Через несколько дней Александр Афанасьевич принес писателю готовую балладу.

В БЕНЕФИС ОРКЕСТРА

Когда наступало обеденное время, Варвара Леонидовна посылала Аленку и Лесю за Александром Афанасьевичем. Они заставляли его в городском саду (там репетировал сезонный оркестр) или на набережной.

Бывало, проберется Леся к Александру Афанасьевичу и тянет его за полу пиджака, так как просто звать его не было никакого смысла: ну может ли Александр Афанасьевич что-нибудь услышать, если душа у него переполнена музыкой?

На набережной, надвинув на лоб панаму, он стоит у самого моря и щурит глаза под отражающими солнце стеклами пенсне. Александр Афанасьевич очень любит море, и, главное, оно у него удивительно сочетается с музыкой. Именно к морю он устремляется, наслушавшись оркестра, чтобы еще что-то дослушать, еще что-то почувствовать.

Когда начались репетиции «Крымских эскизов», Александр Афанасьевич преобразился: стал раздражительным, голос сделался резким. Стоя у дирижерского пульта, он переделывал в рукописи все, что недостаточно точно выражало его творческий замысел, а затем до жестокости педантично добивался у музыкантов необходимого ему звучания.

— Это тиран какой-то! — возмущались оркестранты, косясь на худощавого хрупкого человека, который, выдвинув вперед подбородок, властно стучал палочкой по пульту.

Выступление Спендиарова состоялось в бенефис оркестра.

Как всегда бывало во время бенефисов, эстраду украсили разноцветными флажками и гирляндами из свежей зелени, а на рампе и вдоль аллеи зажгли китайские фонарики.

Александр Афанасьевич шел по аллее, зажав под мышкой партитуру «Крымских эскизов». Поднявшись в фанерную артистическую, он с ворчанием стряхнул с себя конфетти, которыми его осыпали по дороге. Когда вышел на эстраду, в глаза бросились знакомые лица. Он сделал над собой усилие и выключил их из сознания. Обернулся к оркестру, хотел было начать, но его отвлекли говор толпы и противное шарканье ног по гравию. Раздалось несколько нетерпеливых хлопков. Медлить было невозможно. Композитор взмахнул палочкой, и при первых же звуках «Плясовой» исчезли флажки, китайские фонарики, публика...

Звездное небо. Сакля на склоне горы. Нежное прикосновение к бубну тонкой девичьей руки...

Следующий номер — «Элегическая песенка». Как прекрасно передает арпеджио арф плеск и качание волн!

А вот «Застольная песня». Как только зазвучали флейты, кларнеты, гобой, фаготы, Спендиаров широко улыбнулся. Он счастлив. Он готов запеть и заплясать вместе с воображаемыми персонажами.

Сейчас будет «Хайтарма». Фагот начинает свое скорбное соло. Нет, нет! Это не то! Надо больше чувства, как можно больше чувства!

«Дайте! Дайте! — молили руки Александра Афанасьевича, протянутые к фаготисту. — Еще! Еще!»

И вдруг Спендиаров страстно оживился. Каждый звук «Хайтармы» зажил особенным, страстным, темпераментным спендиаровским ритмом. Слушатели затаили дыхание. Музыка кружила, кружила их в неистовом танце и резко оборвалась.

Раздались крики:

— Бис! Бис!

Спендиаров поднял палочку. Казалось, он сам запел вместе с фаготом мелодию вступления, — такими печальными сделались его глаза под скорбно поднятыми бровями... Потом он снова увлек слушателей неистовым ритмом «Хайтармы». Остановился, вытер лоб, как будто стирая наваждение, и обернулся к разбушевавшейся публике.

ПЯТЬ КОМПОЗИТОРОВ

В ялтинском доме Спендиаровых становилось все многлюднее. Приходили знакомые, гостили родственники, гостили петербургские коллеги Александра Афанасьевича.

Приоткрыв дверь кабинета, можно было увидеть чернобородый профиль Феликса Михайловича Блуменфельда, сидящего за фортепьяно. Феликс Михайлович частый посетитель дома Спендиаровых. Блуменфельд может играть на фортепьяно и одновременно рассказывать что-нибудь веселое. Он даже умеет играть на клавишах, покрытых полотенцем. Рядом с ним Николай Николаевич Черепнин — тоже ученик Римского-Корсакова. Николай Николаевич вспльчив; раскипятится, захлопнет крышку фортепьяно, и вздернутый кончик его носа покраснеет, как вишня. Но он очень скоро отходит. Начинает шутить и молодо, заразительно смеяться.

В луче солнца клубы сигарного дыма. Александр Афанасьевич приоткрывает створку окна, так как сидящий с ним рядом Николай Николаевич Амани (тоже ученик Римского-Корсакова) закашлялся от дыма.

Амани тяжело болен. Дни его сочтены. Александр Афанасьевич всячески старается скрасить его жизнь. Он оркест-

рует одни его пьесы, чтобы дать возможность больному композитору услышать их в оркестре, помогает дописать другие.

Пятый композитор — сутулый человек с серым, помятым лицом и взъерошенными волосами — приходит к Спендиаровым не один. Рядом с его панамой, небрежно брошенной на каминную доску передней, лежат целые вороха панам, шляп и надушенных перчаток. В «мавританской», в гостиной, на террасах звучат веселые голоса, говор, смех, но все это тотчас же смолкает, когда пятый композитор садится за рояль. Это Аренский. Необычайное жизнелюбие, которым исполнены его игра, смех, голос, заражает всех. Быть хоть ненадолго счастливым, когда кругом все шатко, когда идет японская война, а по улицам ползают безногие, — великий соблазн, и, прославляя соблазнителя, молодое общество, собирающееся вокруг Аренского, забывает обо всех невзгодах. Можно ли было предположить, что через год не станет этого великого жизнелюбца?

— Господа! — говорит Аренский, когда его друзья и поклонники переключиваются из гостиной в сад, где под ливанским кедром накрыт стол. — Давайте напишем вальс на скорость и посвятим его хозяйке дома.

Он обводит собравшихся за столом своим особенным, горячим, властным взглядом и считает до трех. Все пять композиторов открывают блокноты и набрасывают нотные знаки.

Аренский кончает первым. Он бежит в гостиную, играет свой вальс, стремительно возвращается в сад, срывает розу и подносит ее Варваре Леонидовне.

— Царице красоты царицу красоты, — говорит он, склоняясь перед нею.

Между тем в Ялту привозят все больше и больше раненых с Дальнего Востока. Александр Афанасьевич занят устройством благотворительных концертов.

Музыкальные вечера, балы, прогулки, пикники бывают теперь реже. Пришло время, когда они совсем прекратились; Антоний Степанович Аренский покинул Ялту.

ВДОХНОВЕНИЕ

2 октября 1904 года Спендиаров устроил у себя в доме концерт в честь Горького.

Как только зазвучала музыка, писатель, до тех пор замкнутый, сосредоточенный на каких-то тревоживших его мыслях, преобразился. Он стал с увлечением слушать переложенную на музыку Спендиаровым свою балладу «Рыбак и фея» и был особенно доволен звучанием последней строфы, которую под аккомпанемент композитора с большим чувством пропел доктор Алексин:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

Слушая квартет Бетховена, писатель прослезился, и надо было видеть его гневный взгляд, когда во время исполнения квинтета Шумана шуршание платья вошедшей в залу дамы помешало ему слушать музыку.

За ужином писатель заговорил о грядущей революции. Слова его были сдержанны и скупы, но они разъяснили Александру Афанасьевичу всю важность событий, казавшихся ему прежде случайными: стычки призывников с полицией, недовольство и волнения крестьян в каких-то дальних губерниях...

Спендиаров не пропускал ни одной столичной газеты. С каждым днем события становились все значительнее. Рабочие бросают работу и объявляют забастовку. Забастовал Путиловский завод. Забастовали все заводы Петербурга.

Объявили забастовку учащиеся высших учебных заведений. К этому движению примкнули ученики Петербургской консерватории. К ним применены жестокие репрессии. В газете «Русь» появился смелый протест Римского-Корсакова против действий консерваторской администрации. Через несколько дней Спендиаров прочел в газетах об увольнении Римского-Корсакова из консерватории. Он написал учителю открытое письмо, тотчас же отправленное им в газету «Русь»:

«Дорогой Николай Андреевич! Высоко ценя в Вас честнейшего и прямого человека и благоговейно преклоняясь перед огромным значением Вашим в русском искусстве, вы-

ражаю искреннее сочувствие Вашему справедливому и благородному протесту, высказанному в письме директору СПб консерватории, и не могу подавить в себе чувство глубокого негодования по поводу вызванного этим протестом увольнение Вас из консерватории, факта постыдного для уволившихся, невероятного и небывалого».

Ритм внутренней жизни Александра Афанасьевича изменился. Обычно спокойный, уравновешенный, погруженный в музыкальное раздумье, он говорил теперь взволнованно, порывисто... Вспоминал беседы в кружке Нерсесова, мечтал о свержении самодержавия и самоопределении народов. Выходил на улицу, всматривался в лица прохожих и радовался, находя в них вместо тупой покорности суровое и гневное выражение.

Когда 13 марта 1905 года в Ялте вспыхнули волнения, начавшиеся, как писала местная газета, с «маловажного факта арестования полицией за буйство и сопротивление» солдата, прибывшего с Дальнего Востока, Спендиаров оставался на улице всю ночь.

За солдата вступилась группа рабочих. Они подожгли полицейский участок и двинулись к городской тюрьме. Спендиаров видел, как толпа подожгла тюрьму, как выпустила арестантов в серых рубахах.

Освещенный пламенем пожара, народ с песнями двинулся по улице.

Волнения были подавлены на следующий же день. На всех углах висели объявления «о принятии срочных мер к недопущению возобновления беспорядков».

Спендиаров вернулся в свою рабочую комнату. Творческое вдохновение, вызванное пробуждением духа народа, которое он видел собственными глазами и ощутил сердцем, требовало воплощения. Нетерпеливо перелистывал композитор страницы стихов и поэм, стараясь найти сюжет, близкий его душевному состоянию.

Он обратился к поэзии Лермонтова. Когда-то его увлекла тема обманутого доверия в стихотворении «Три пальмы». После событий 9 Января она стала ему особенно близкой. Выбор был сделан. Спендиаров приступил к работе над симфонической картиной «Три пальмы». Писалось быстро и легко. Музыка создавалась как-то сама по себе. Это был чудесный праздник созидания, продолжавшийся до конца работы.

6 марта 1906 года симфоническая картина «Три пальмы» была исполнена в Петербурге на «Русском симфоническом концерте».

Дирижировал Спендиаров.

С утра он испытывал чувство необычайной легкости и отрешенности от всего. Это было блаженное состояние полнейшей свободы. Никакого напряжения...

Счастье, охватившее композитора во время исполнения, было безгранично. Сколько искренней любви и кротости вложил он в говор пальмовых ветвей, в журчание ручья!

Сейчас появится караван. Вот он! Сначала его мерная поступь слышится приглушенно, потом громче, отчетливее... А говор пальм становится все более ласковым и приветливым.

Но вот в трепете пальмовых ветвей почувствовалась взволнованность... Прозвучали sforцандо все инструменты оркестра. Удар, напоминающий залп! Удар! Удар! А затем послышалась проникнутая горем и ужасом тема поверженных трех пальм.

Скорбное выражение еще оставалось на лице Александра Афанасьевича, когда отзвучал одинокий голос ручья и композитор обернулся к залу. Тотчас же рассеялся туман, окутывавший публику, и прямо перед собой он увидел растроганные лица друзей: Римского-Корсакова, Лядова, Глазунова, Черепнина, Блуменфельда...

ДРУЖБА

После концерта по заведенной традиции был ужин.

За столом рядом с виновником торжества сидел Александр Константинович Глазунов. В уголке его рта застряла потухшая сигара. Тучный композитор дышал тяжело и шумно. Чем еще удивит его этот хрупкий человек, казавшийся ему когда-то таким незначительным?

Николай Андреевич Римский-Корсаков не раз жаловался Глазунову, что он никак не может уговорить Спендиарова написать оперу, хотя все данные для этого у него налицо. Александр Афанасьевич почтительно выслушивает учителя. Он настойчиво ищет сюжет. Несколько раз уже заказывал либретто. Но, начав писать оперу, сейчас же охладевает и снова возвращается к симфоническим пьесам, к романсам...

Глазунов смотрел на Александра Афанасьевича и думал: возможно ли склонить к чему-нибудь этого удивительного музыканта, пока он не найдет в себе самом необходимый отклик?

У Спендиарова есть недоброжелатели. Как могут быть недоброжелатели у такого чистого, бесхитростного человека? Многие пьесы Александра Афанасьевича — даже «Крымские эскизы» — встречены в Петербурге несправедливыми рецензиями. Но он не обращает на них внимания. Спендиаров обладает редким свойством: философским смирением.

Говорит Александр Афанасьевич мало, оттого ли, что он застенчив, или оттого, что существо его всегда переполнено музыкой. Иногда он делает еле заметные движения рукой, видимо прислушиваясь к ритмам, которые всегда живут в нем.

Но порой он словоохотлив. Привыкнув к своему новому другу, Спендиаров иногда стремится открыть ему всю свою душу.

Подружились они после первого исполнения «Крымских эскизов» в Петербурге. Глазунов был пленен новым сочинением Спендиарова и на ужине после концерта предложил ему выпить на брудершафт.

Дружба их становилась все крепче. Тут были не только душевная близость и преданность, длившиеся до конца жизни, но и высокое почитание дарования друг друга. Музыка Глазунова так часто исполнялась в доме Спендиарова, что до сих пор детские воспоминания дочерей Александра Афанасьевича окрашены в ее жизнерадостные тона.

Было у композиторов много общего в их отношении к людям, в тончайшем чувстве справедливости, в неизменном внимании к неимущим.

Помощь нуждающимся, особенно нуждающимся музыкантам, была для них обычным делом. Оказывалась она деликатно, незаметно. И сколько талантливых музыкантов обучалось за их счет в консерваториях и музыкальных школах, как много больных туберкулезом лечилось в ялтинских санаториях!

Когда Александр Афанасьевич приезжал в Петербург — а он приезжал туда каждую зиму, чтобы показать свои новые работы Римскому-Корсакову, — Глазунов проводил с ним все свое свободное время. Но зато и у Спендиарова в Крыму Александр Константинович становился самым дорогим гостем, доставлять радость которому считал себя обязанным весь дом.

Гостил он обычно в Ялте, но иногда и в Судаке, где в 1909 году Спендиаровы построили дачу.

Рано утром его будили осторожные шаги по гравию.

— Проснулся? — весело спрашивал улыбающийся Спендиаров, заглянув в окно, обрамленное ветками вьющейся розы. — Идем смотреть восход солнца.

И они шли.

Впереди решительной походкой «хозяина спектакля, который дает солнце», шел Спендиаров — весь светлый, в чесучовом костюме и канотье. Так и мелькали по крутой тропинке его белоснежные парусиновые туфли.

Запахавшись, поднимался за ним Глазунов. Они добирались до вершины холма и, остановившись, молча любовались победным шествием солнца.

В дневные часы композиторы укрывались от жары в рабочей комнате Александра Афанасьевича. Сидели за фортепьяно и вели музыкальные беседы, сопровождавшиеся игрой в четыре руки, в две руки, одной рукой, одним пальцем!

ДЕТИ

В день рождения Александра Константиновича Глазунова дети украсили его кресло зеленью и цветами граната. Это было в Судаке в 1912 году. Александр Афанасьевич Спендиаров писал тогда вторую серию «Крымских эскизов».

В то лето в заросшем цветами «спендиариуме» было особенно весело и безмятежно. Дети. Их было пятеро у Спендиаровых: два мальчика и три девочки. И так нравилось Александру Афанасьевичу, оторвавшись от занятий, наблюдать, как пятнадцатилетний Леся — стройный, как Леня, веселый и добрый, как Леня, — играет в теннис на спортивной площадке; как возится с формочками его двухлетний братец; как их три веселые сестрички с бантами на подобранных кренделечками косичках с визгом носятся по горячему песку пляжа или ловко взбираются на верхушки деревьев.

В 1913 году, когда у Варвары Леонидовны родилась еще одна дочка, все оставалось неизблемым в ялтинском доме с драконами и судакском благословенном уголке.

Оборвалась привычная жизнь Спендиаровых в душное лето 1914 года.

Даже резвые спендиаровские девочки вяло слонялись в то

лето по дому в тщетных поисках прохлады. Никто не мог найти себе занятие, и только один Александр Афанасьевич, влюбленный в мелодию татарской колыбельной песни, записанной им недавно в Бахчисарае, увлеченно играл и пел, не обращая внимания ни на жару, ни на тревожные предвоенные толки.

В то лето Лесе привели породистого длинноногого жеребца. Юноша носился на нем по судакским холмам, участвовал в кавалькадах, скачках и соревнованиях. Однажды он упал с лошади и вернулся домой с окровавленным подбородком.

Пластырь, которым Аленька заклеила ранку, еще портил Лесин красиво очерченный подбородок, когда Александр Афанасьевич, питавший особенную нежность к Лениному мальчику, увез его с собой в Павловск.

Перед отъездом Леся был очень грустен. Войдя в комнату девочек, он осыпал сестер лепестками розы, которую задумчиво вертел в пальцах.

В Павловске ранка на подбородке зажила. Все было спокойно. Александр Афанасьевич готовился к авторскому концерту. Леся с утра до вечера играл в теннис.

А через несколько дней в Судаке было получено известие, что Леся умер от столбняка.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В ТИФЛИСЕ

абушка Наташа уже не вязала белые кружева для полотенец, не раскладывала пасьянсы, сидя у себя в комнате. Летом она проводила дни в дальнем уголке сада, зимой сидела неподвижно у окна. Через год после смерти Леси ее не стало.

Война была в разгаре. Постаревшая от горя Варвара Леонидовна искала утешения в помощи солдатам. В ее комнате была развешана на стульях коричневая шерстяная пряжа, которую она сматывала в клубки, а затем, не выпуская из рук спиц, вязала варежки, шарфы, жилеты... В посылки с теплыми вещами она вкладывала письма и отправляла на фронт. Если приходил ответ, семейство Спендиаровых собиралось в гостиной, и Варвара Леонидовна читала вслух сложенные треугольником солдатские письма.

Способность откликнуться на чужое горе помогла и Александру Афанасьевичу преодолеть тяжкую утрату.

Забросив начатую еще до войны работу над не увлекавшим его уже сюжетом оперы, он переделал написанную в 1910 году армянскую героическую песню и подготовил ее к изданию в пользу жертв войны. Осенью он поехал в Москву на авторский концерт. Весь сбор с этого концерта также пошел в пользу жертв войны.

Александр Афанасьевич часто бывал в Московском комитете помощи беженцам из Турции и однажды встретился там с автором обложки его героической песни молодым, уже известным в то время художником Мартиросом Сарьяном.

Что-то доброжелательное, сердечное прочел композитор в пристальном взгляде художника.

— Армянский сюжет? — переспросил Спендиарова Мартирос Сергеевич, когда тот рассказал ему о своих тщетных поисках сюжета для оперы и попросил указать на какую-либо

армянскую тему.— Вот и композитор Гречанинов хочет писать оперу на сюжет поэмы Туманяна.

— Гречанинов — армянскую оперу?

Может быть, впервые в жизни Спендиаров испытал острое чувство соревнования. Решение ехать в Тифлис, где проживал известный поэт Туманян, созрело у него мгновенно.

Конец февраля и март 1916 года. Спендиаров в Тифлисе. Он стремится туда, где может услышать подлинные народные напевы. Молодой композитор Романос Меликян — высокий, худой, с волевыми складками на впалых щеках — ведет его на тифлисские базары, и так странно видеть миниатюрного Спендиарова с тросточкой и в блестящем котелке среди огромных мохнатых шапок и мохнатых бурок народных музыкантов.

Наполненный новыми для него и в то же время близкими мелодиями и ритмами, композитор подпевает ашугам, размахивает в такт тросточкой и записывает армянские, грузинские, арабские, персидские песни, примостившись где попало: на перевернутой корзине, на вязанке соломы...

В те же первые дни в Тифлисе он познакомился с Ованесом Туманяном.

Все было очень просто во время их встречи, как всегда бывает, когда совершается что-нибудь поворотное в жизни.

О Спендиарове доложили, поэт встретил его в прихожей, повел в свой кабинет, и с первых же слов у них завязался нужный, ничем не отвлекаемый разговор.

Сначала поэт прочел Спендиарову поэму «Ануш». Спендиаров слушал спокойно, внимательно, предложил поэту поехать с ним в горную страну Лори, где происходит действие поэмы.

Рукопись «Ануш» он положил в портфель, чтобы посмотреть ее на досуге.

За «Ануш» последовала в портфель поэма «Парвана» — о принцессе, потонувшей в озере из собственных слез. Романтический сюжет поэмы понравился композитору, но не увлек его. Он оставался спокойным: поглаживал голову и бородку, смотрел, щурясь на огонь лампы.

Третью поэму — «Взятие крепости Тмук» поэт вынул из шкафа как-то особенно поспешно. Будто для него самого собственное сочинение было находкой. Он подсел совсем близко к Спендиарову и, читая поэму, то и дело вскидывал на него глаза. Так и есть, композитор взволнован, он не может усидеть на месте, вскочил, зажег папироску.

— Это как раз то, что мне нужно! — воскликнул Спендиаров, едва Туманян дочитал поэму.— Трагедия... Драматургия страстей... И притом какая великолепная возможность использования армянских и персидских напевов! Персидский стан — персидские напевы, потом дворец армянского князя Татула (он напел какую-то мелодию), армянские напевы. Армянские песни, пляски... А сюжет-то какой острый!.. Персидский шах не может преодолеть сопротивления армянского князя Татула и его храброго войска. Но Надир-шах коварен. Он хочет взять крепость изменой женщины. Подсылает к княгине персидского певца, чтобы соблазнить ее персидским треном. Ашуг во дворце Татула. Он поет. Песня персидского ашуга должна быть такой сладостной, такой чарующей... — Композитор закрыл глаза, словно прислушиваясь к песне.— Княгиня тщеславна: трон, венец, которые сулит ей Надир-шах, — великие приманки для нее. Но она любит мужа, несомненно любит! И вот тут начинается драматургия страстей. Она достигает кульминации на пиру в честь победителя персов Татула. Княгиня терзается противоречивыми чувствами — любовью к мужу и непреодолимым желанием быть царицей! — Александр Афанасьевич замолчал, провел рукой по лбу.— На пиру княгиня должна сделать попытку уговорить Татула завладеть персидским треном! — воскликнул он.— Обязательно должна! В этом ее последняя надежда. Но князь непреклонен, он не хочет напрасного кровопролития, он хочет мира. Не желать трона? Княгине это кажется кощунством. Побеждает тщеславие. Предательство совершено. Персидское войско в крепости. Но куда девалось тщеславие? Все существо княгини заполнили любовь и раскаяние. Раскаяние — великое чувство, оно должно искупать содеянное. Я всегда так думал, всегда так думал...

Композитор опустил на стул, закрыл глаза... Потом встрепенулся и попросил поэта перечисть ему некоторые строфы.

Улыбаясь, поэт вынул из портфеля Спендиарова поэмы «Ануш» и «Парвана» и взамен вложил «Взятие крепости Тмук».

Спендиаров ликовал. Он стал таким восприимчивым ко всему, что было связано с его будущей работой!

— У героини поэмы нет имени, — говорил он, прогуливаясь с друзьями по улицам Тифлиса.— Ованес Фадеевич предлагает имя Гоар. Это, конечно, прекрасное, прекраснейшее имя,

но, по-моему, не вокальное. Гоар... Гоар... Гоар...— протянул он,— нет, не вокальное. Надо придумать другое.

В это время то ли позвал кто-то: «Алмаст!» — то ли один из собеседников предложил назвать героиню будущей оперы Алмаст; только это неизвестное до сих пор Спендиарову имя оказалось именно тем единственным и незаменимым, которое искал композитор.

— Алмаст...— напевал он довольно громко, обращая на себя внимание чинных горожан.— Алмаст — вот это вокальное имя...

Он представил себе носительницу этого имени: Алмаст должна быть высокой и стройной — величественной!

— Алмаст... Алмаст... Алмаст...

«ГИМН ПЕРВОГО МАЯ»

Разговоры об Алмаст, о поэте Туманяне, о его поэмах не смолкали у Спендиаровых, когда веселый, довольный Александр Афанасьевич вернулся домой. Но потом композитора отвлекли дела.

Богатое наследство, оставленное ему отцом, постепенно таяло, появились долги. Пришлось отказаться от ялтинского дома. Сначала его отдали внаем, потом продали. Семейство Спендиаровых окончательно переехало в Судак.

В неприспособленном для зимы судакском доме было прохладно и все-таки очень уютно, особенно по вечерам, когда на закрытой террасе горела лампа-«молния» и докрасна раскалялась железная печка.

Из рабочей комнаты Александра Афанасьевича целый день доносилось записанное на пластинку громкое, резкое пение народного персидского певца. Но как только наступал вечер, пение умолкало. Александр Афанасьевич поднимался на закрытую террасу, раскрывал столичные газеты, и взрослые домочадцы, усевшись вокруг стола, читали сообщения о быстро развивающихся событиях.

Выше и выше поднимаются волны революционной борьбы. Александру Афанасьевичу памятен 1905 год, но теперь все сложнее и глубже. 18 января 1917 года забастовала одна из мастерских Путиловского завода, 21-го к ней присоединились все мастерские. 24 февраля в Петрограде забастовали двести тысяч рабочих!

Потом наступило затишье. На петроградских улицах ни души. Трамваи стоят. Затишье перед бурей.

Буря разразилась 27-го. Толпы петроградских рабочих вышли на улицу, срывали трехцветные флаги, уничтожали эмблему царизма — двуглавых орлов. Солдаты присоединились к рабочим. Солдаты стреляют в полицейских!

Царь отрекся от престола. Самодержавие рухнуло. Образовался временный комитет Государственной думы. Создан Совет рабочих и солдатских депутатов. В стране двоевластие! Буржуазное Временное правительство и Советы — власть трудящихся!

Советы образуются по всей стране. Выборы происходят и в Судаке. Спендиаров не пропускает ни одного митинга. Думал ли он, что и его выберут в Совет рабочих и солдатских депутатов!

Исполком назначает Александра Афанасьевича на пост председателя просветительной комиссии. Вместе с другими представителями судакской интеллигенции Спендиаров приступает к организации народной гимназии. Он создает хор, в котором участвуют учителя, рабочие, батраки.

Во время первомайской демонстрации Спендиаров со своими хористами возглавляет колонну. На развеваемых майским ветром знаменах золотятся слова: «Свобода! Равенство! Братство!» В душе композитора на все лады звучит долгожданное: «Равенство! Равенство! Равенство!» По судакским холмам разносятся звуки «Марсельезы», «Варшавянки»... У демонстрантов на груди красные пионы. Солнце и ветер обжигают лицо Александра Афанасьевича. Он возвращается домой загорелый, возбужденный и, наскоро поев, уходит в свой флигель.

Утром 2 мая, все такой же праздничный, он поднимается в гостиную. Дети в сборе. На рояле огромный букет красных пионов. В длинных косах девочек топорщатся вчерашние красные банты. Александр Афанасьевич раздает детям хоровые партии и садится за рояль.

Все как будто повторилось: жаркие лучи солнца, красные знамена, развевающиеся на ветру,— все выразил композитор в музыке и словах «Гимна Первого мая», рожденного под мерную поступь праздничной колонны:

Праздник светлый и свободный,
Славься, первый майский день!

Наш союз международный
Новым блеском ты одень.

.....
Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш голос грянет разом,
Как весенний первый гром!

«АЛМАСТ»

Хор Спендиарова разрастался. Зимой 1918 года, когда в Судаке установилась Советская власть, ревком предоставил кружку зал ресторана реквизированной гостиницы.

Александр Афанасьевич сгруппировал вокруг себя оставшихся в Судаке актеров, поэтов, музыкантов и устраивал с ними благотворительные спектакли и концерты.

Он приступил к работе над оперой: обдумывал сценарий, подготавливал музыкальный материал. Для составления либретто ждал в Судаке поэта Туманяна, но сообщение с Кавказом становилось все труднее. Туманян не приехал.

Спендиаров уже начал отчаиваться. Но помог случай: композитор познакомился с московской поэтессой, согласившейся написать либретто.

Занятия начались в январе 1918 года. Во флигеле было холодно. Поэтесса Парнок куталась в деревенский тулуп и платок, а Александр Афанасьевич — в пелерину с капюшоном.

В первую же встречу Александр Афанасьевич сыграл Софье Яковлевне набросок арии персидского ашуга, подосланного шахом княгине. Когда эскиз был проигран, поэтесса и композитор, согревая замерзшие пальцы дыханием, стали записывать поэтические ритмы будущего текста.

Встречались они каждый день. Из флигеля доносилась новорожденная ария, то звучащая на скрипке, то распеваемая непевческими голосами Александра Афанасьевича и Софьи Яковлевны.

В плен взяла певца с певучим сазом
Красота твоя,
Ранит сердце, опьяняет разум
Красота твоя,—

пели они увлеченно, а дойдя до кульминационной фразы:

В вечный плен возьмет владыку мира
Красота твоя! —

уже не пели, а кричали, причем Александр Афанасьевич ударял по клавишам с такой силой, что его дочь, переписывавшая здесь же за письменным столом хоровые партии «Коммуны», вздрагивала и оставляла работу.

Весна 1918 года была в Судакe очень тревожной.

Трудное, памятное, романтическое время начала работы над оперой «Алмаст». Многих свидетелей уже нет, а те, кто остались, хорошо помнят цветущую судакскую долину и Александра Афанасьевича с Софьей Яковлевной, тихонько напевающих песню девушек-вышивальщиц:

Вечер плывет над долиной,
Тополь стоит, как свеча.
Мы опустили кувшины
В светлую влагу ключа.

Летом началась работа над первым актом. Наступили дни, когда невозможно было дозваться к обеду Спендиарова — Надир-шаха, распевавшего, опустив подбородок в воротничок:

Вожди, ужели рать моя слаба,
Ужели мне склониться пред гяуром?

Музыкальное действие оперы развивалось плавно и безостановочно.

Творческий процесс не прекращался ни во время беседы композитора со знакомыми, ни за обедом, — Спендиаров мог неожиданно запеть, дирижируя обеими руками. Но были моменты, когда Александру Афанасьевичу казалось, что он теряет музыкальную нить...

Оставив карандаш, композитор задумывался, отходил от конторки, искал на фортепьяно единственное нужное ему звучание, не находил его, закрывал крышку... Шел по аллее из шелковиц к морю, стоял у моря в раздумье. Потом возвращался во флигель, брал скрипку, играл на ней найденную мелодию, а затем порывисто садился за фортепьяно.

И опять наступало чудесное творческое спокойствие. Во флигеле, где пахло старыми книгами и старым деревом библиотечных шкафов, царил тишина. Слышно было, как, стоя у конторки, Александр Афанасьевич переступал с ноги на ногу, как стучал по нотной бумаге его тонкий, остро отточенный

карандаш, как тихонько, боясь спугнуть собственную мысль, композитор подходил к письменному столу и брал линейку или другой необходимый ему предмет, лежавший всегда на одном и том же месте.

Развертывался первый акт оперы «Алмаст».

«Персидский марш» — плод неугасаемого вдохновения! Александр Афанасьевич играл его по вечерам в гостиной, и слушателями его были теща Елизавета Александровна, Варвара Леонидовна, Эльвина Ивановна и дети.

Когда наступила осень, Александра Афанасьевича, снова облачившегося в залатанную пелерину с капюшоном, постоянно видели за фисгармонией. Сочинялись «Наступление вечера» и «Молитва персов».

Композитор не выходил из состояния высокой торжественности. Даже походка у него изменилась, когда он шел провожать солнце, уходившее по золотому небу за бронзовую Генуэзскую крепость.

Первый акт был окончен.

Наступила зима. Во флигеле снова стало холодно. Композитора одолевали раздражающие его мелочи: чадила коптилка, потерялся ключ, порвалась обувь, разбилось стекло... Целые дни бродил он в бездействии, слабый, ворчливый, и, только когда наступило тепло, ожил.

Мелодичные хоры девушек-вышивальщиц из второго акта были написаны раньше. Александр Афанасьевич работал над сценой битвы персов с защитниками крепости.

Потом он очутился лицом к лицу с героиней. Вот она стоит перед ним со своими мрачными думами. Ее трагический образ развивается стихийно. Спасти Алмаст невозможно. Она сама не верит в свое спасение. В юности песня «Джан гюлюм», которую девушки поют во время гадания, предсказала ей гибель.

Когда мой вытянули жребий,—

поет Александр Афанасьевич скорбную арию Алмаст, и, стараясь петь так же скорбно, поет вместе с ним его дочь:

Звучал так страшно Джан гюлюм!
Плачет мать несчастная,
Доченьку жалея.
Ожерелье красное
Затянуло шею...

Во флигеле прохладно. Окна прикрыты ставнями. Прохаживаясь по комнате, композитор говорит дочери:

— Не забывай, что княгиня любит мужа,— это должно чувствоваться во всей партии. Внимательно прислушайся к ее словам, к ее музыкальной характеристике, и ты поймешь.

Снова Спендиаров у конторки и снова пишет. Об окно бьется бабочка. Доносится шум прибора.

Композитору так нужны покой и тишина! Но наступает вечер, и его осаждают посетители.

Белая армия еще не разгромлена. Судак — тыл белогвардейцев. Веселятся белые офицеры, веселятся их жены, но что-то трагическое чувствуется в их веселье — обреченность, отчаяние, необходимость забыть.

Чтобы развлечься, белые хотят концертов, спектаклей. Ну что же! Ведь можно таким образом поддержать судакскую самодеятельность, хористов!

Спендиаров организует спектакли и концерты. В кассе самодеятельных артистов набираются деньги. На сцене поет кухарка. У кухарки великолепный голос! В пьесах Островского играют шуткатуры и печники. Завоеванное революцией равенство сохраняется в кружке Спендиарова.

И опять зима, и опять стынут пальцы. Фронт приближается. Красная Армия теснит белых.

К лету 1920 года Александр Афанасьевич заканчивает второй акт. Он приступает к третьему.

В пиршественную музыку третьего акта врываются крики испуганных детей. В спендиаровском саду идет перестрелка между белогвардейцами и красными партизанами. Прикрываясь, как щитом, нотной папкой, Александр Афанасьевич перебегает из флигеля в большой дом.

Спендиаров руководит организацией безопасности своей семьи.

— Наверх! — командует Александр Афанасьевич.

И все гуськом взбегают на верхний этаж.

— Вниз!

Он отыскивает «безопасные точки», утешает маленьких, подбадривает взрослых.

Писать становилось все труднее. Шли последние бои за Крым. Приложив ухо к земле, дочери композитора слушали отдаленный грохот орудий.

На дорогах появились груженные подводы. Началось пани-

ческое бегство белых. В море уходили суда, увозя тех, для кого в новой, социалистической России не было будущего.

И вот наступил момент, когда все утихло. Тишина.

ВОЕНКОМБРИГ ОРЛОВСКИЙ

Ни огонька, ни голосов, ни шагов. Даже оставшиеся в Судаче соседки перестали прибегать с паническими слухами. Все было ясно: белые ушли, со дня на день ожидаются красные.

Александр Афanasьевичу, просидевшему весь вечер в темноте, среди притихших домочадцев, захотелось дотронуться до клавишей. Он ускользнул во флигель, зажег коптилку и прикрыл свет старой рукописью. Заиграл было начало «Персидского марша», но раздался стук в окно большого дома, потом окно распахнулось и в нем появилась грозная тень Варвары Леонидовны. Композитор снова сел за фортепьяно и начал тихонько играть «Реквием павшим воинам Татула» из третьего акта.

В саду послышались шаги. Александр Афanasьевич потушил коптилку. Но тени двух людей с винтовками, болтающимися на веревках, уже приближались к флигелю.

Вошли без стука. Коротко объявили, что флигель реквизирован под квартиру военкомбрига. Ушли.

Александр Афanasьевич снова зажег коптилку и стал собирать ноты.

Когда вошел военкомбриг, композитор стоял спиной к двери и, кряхтя, поднимал с пола тяжелую пачку нот. Он не слышал шагов военкомбрига. Комиссар поздоровался. Александр Афanasьевич резко обернулся и увидел воина в длинной шинели, туго затянутой кожаным поясом. Вгляделся пристальнее и рассмотрел молодого человека, почти юношу, который заинтересованно и несколько смущенно оглядывал пианино, скрипку, рукопись, заграждавшую коптилку...

Остановив взгляд на приветливом лице хозяина, закутанного в залатанную пелерину, военный вежливо извинился и вышел из флигеля.

— Куда вы?! — крикнул Спендиаров так громко, что в большом доме снова распахнулось окно, и из него высунулись Варвара Леонидовна, бабушка, Аленька, дети.— У нас есть еще комнаты! Много комнат!

«ПИР В ЧЕСТЬ ТАТУЛА»

Композитор и комиссар проводили вместе все вечера. Александр Афанасьевич играл Валентину Викентьевичу Орловскому (так звали военкомбрига) отрывки из «Алмаст». Потом были долги — за полночь — разговоры о судьбах народов России, о ленинской национальной политике... Эти беседы оказали неизгладимое воздействие на Спендиарова.

Жизнь становилась на новые рельсы. Александр Афанасьевич почувствовал прилив энергии. Не теряя ни минуты, он приступил к созданию в Судаке музыкальной студии. Так же горячо и энергично шла работа над оперой.

Спендиаров торопился.

— Не пройдет и месяца, как Армения станет советской, — сказал ему однажды комиссар.

— Значит, как только я кончу оперу, можно будет туда отправиться?

Весной комиссар уехал, оставив композитора все в том же приподнятом настроении.

Летом 1921 года в Крыму начался голод. Спендиаров никогда не предполагал, что корка хлеба может иметь такое значение! В самый разгар творческого вдохновения его рука соскальзывала с клавишей и устремлялась в карман рабочего пиджака. Если корка обнаруживалась (Александр Афанасьевич обычно оставлял себе от обеда маленький запас), он испытывал острую, просто постыдную радость. Корка съедена, и на самой вершине творческого подъема рука снова шарит в кармане.

Впереди ожидалась голодная зима. Александр Афанасьевич, никогда прежде не знавший заботы о пропитании, придумывал все более фантастические способы добычи пищи.

— В море ведь продолжают водиться крабы? — говорил он Варваре Леонидовне. — Почему бы, скажи, пожалуйста, нам не командировать за ними наших детей?

Или:

— Осень — самое время для грибов. Давайте-ка устроим прогулку в Карагач¹ и наберем на всю зиму шампиньонов.

Когда кончились последние запасы крупы и муки, Александр Афанасьевич стал фантазировать на тему о гонораре.

---

¹ Лес в окрестностях Судака.

Действительно, он ведь никогда в жизни не брал себе гоноров! А теперь он имеет на них полное моральное право!

Все спендиаровское семейство, прозванное в Судаче тарасконцами за способность фантазировать и преувеличивать, загорелось мечтой о концерте.

Композитора собрали в дорогу, погрузили на подводу фибровый чемодан, наполненный до отказа нотами и «предметами для обмена». И вот Александр Афанасьевич в Симферополе — возбужденный, радостный от встречи с друзьями-оркестрантами, с которыми выступал когда-то в Ялте, Симферополе, Феодосии и Севастополе...

После репетиции — скудный ужин в бывшей «Губернской шашлычной» и, наконец, концерт — первый его симфонический концерт после революции.

Билеты, кажется, не продаются. Да и понятно: здесь тоже голод. Сбора, конечно, не будет. Александра Афанасьевича это огорчает, но может ли он сосредоточиться на неприятных мыслях, когда оркестр играет с величайшим подъемом и собственная музыка, которую он так давно не слышал в концертном исполнении, кажется сочиненной вот только что, сию минуту.

Фрак не впору исхудалому композитору, но это пустяки. Холод нетопленного зала заставляет его съезживаться и в паузах потирать руки. Но это только в начале исполнения. Потом щеки композитора наливаются румянцем, и знакомый оркестрантам властный взгляд преобразует изможденное лицо.

Спендиаров счастлив. Концерт идет удивительно удачно. Ни одной накладки, ни одной фальшивой ноты. Композитора не огорчает даже, что в зале присутствует не больше пяти-шести слушателей. На их лицах и восторг и смущение. Они подходят к концертанту с намерением его подбодрить, но Александр Афанасьевич наверху блаженства.

— Как играл оркестр, — вздыхает он, — как играл оркестр!

Никакого гонорара не будет. Но ведь у него есть часы и другие вещи для обмена. А главное — хорошие друзья, которые принимают живое участие в его заботах. Они отлично знают, что не привезти детям хоть немного муки просто невозможно. Кто-то хлопчет в Крымнаркомпросе, и, как по щучьему велению, на подводу в час отъезда композитора грузят пятипудовый мешок муки.

Подвода трясется на пять восьмых (Спендиаров в любом движении, в любом шуме улавливает музыкальный ритм!), и

в такт тряски Александр Афанасьевич напевает мелодию «Пляски девушек» из «Сцены пиршества», непрестанно строящейся у него в голове. Но вдруг музыкальная мысль обрывается: мешок муки! Пятипудовый мешок муки! Композитор прикасается к своей добыче и, продолжая напевать, задумывается:

«Из фунта муки можно сделать пять лепешек, которые так славно выпекает Аленька. В пуде сорок фунтов — двести лепешек, а в пяти пудах?» У Александра Афанасьевича захватывает дух от такого количества лепешек!

«Трам-та-та, таратара-там», — радостно напевает он, трясясь рядом со своим пятипудовым богатством.

Приехали. Кучер широко раскрывает чугунные ворота. Подвода, врезываясь колесами в гравий, покатила по аллее. С лестницы, ведущей на застекленную террасу, сбежали ему навстречу дети, в дверях Варвара Леонидовна, бабушка, Эльвина Ивановна... «Гонорар» внесен в дом и в присутствии всех домохозяев торжественно поставлен в чулан.

Первую порцию лепешек решено было испечь завтра утром. Вынув из кармана записную книжку, Александр Афанасьевич снова принялся рассчитывать. Ну да! Лепешек хватит до самого лета! О сборе за концерт никто не спрашивает: пятипудовый мешок муки говорит сам за себя. А много присутствовало знакомых? Да разве Александру Афанасьевичу было до публики? Если бы вы только слышали, как играл оркестр!

Утром композитора разбудило сладкое предчувствие сытного завтрака. Но вскочить его заставил тревожный шепот Эльвины Ивановны. В коридоре над его головой стучали каблучки бабушкиных сапожек. Послышались испуганные голоса детей. Мешок муки украден! Слышите? Пятипудовый мешок муки, который Александр Афанасьевич привез из Симферополя, украден!!!

Александр Афанасьевич ринулся в исполком. Оказалось, что это не первый случай. Необходимо немедленно защитить население от грабителей!

В следующую ночь за Спендиаровым зашли вооруженные дружинники, и он зашагал с ними по судакским дорогам.

Лепешек теперь не будет. Придется довольствоваться крохотными порциями хлеба. Но ведь «Пир в честь Татула» продолжается! Музыка не остановишь, она звучит в воображении композитора.

«Трам-та-та, таратара-там», — напевает себе под нос Алек-

сандр Афанасьевич, следуя за остальными дружинниками по выбеленному луной шоссе. Как отважились грабители влезть в дом в такую светлую лунную ночь? Холодное море побелело от лунного света, и каждый предмет на берегу вырисовывается, как днем. Например, ободранный пружинный матрац, заменивший на одной из дач калитку. Всюду кошмар запустения.

Но «Пир в честь Татула» продолжается. После девушек выходят вперед мужчины. Композитор тихонько поет мелодию пляски мужчин и дирижирует. Потом рука машинально лезет в карман пальто. Ничего нет. В кармане пиджака тоже ничего нет. Вздохнув, Александр Афанасьевич догоняет своих товарищей, то и дело поправляя берданку, съезжающую с плеча.

Во флигеле так холодно, что работать уже невозможно. Александр Афанасьевич перебирается в спальню, и теперь оттуда начинает доноситься пиршественная музыка.

Острое чувство голода прошло, появилась слабость: руки не сжимаются в кулак, ноги подкашиваются. Лечь бы в постель и вытянуться. Но музыка «Пира в честь Татула» продолжает строиться в душе композитора. Несчастная Алмаст! Как она мечется! Одно слово Татула, и все будет спасено. Одно только слово! Но Татул не хочет завоевать персидский трон...

Отрекшийся от царства царь! —

поет Алмаст, отпрянув от мужа,—

Эй, барабанщик, в дап ударь!
Хочу плясать! Стоните, зурны!
Восторг мой окрыляйте бурный!

Образ Алмаст, исступленной, страдающей, метущейся, не покидает воображения Александра Афанасьевича.

Вот Алмаст остановилась; перед нею как бы разверзлась пропасть. Но княгиня еще пытается спастись от гибели. Последние колебания, последние судороги борьбы.

И снова перед Алмаст разверзлась пропасть. Снова...

Конвульсии борьбы затихают... Княгиня уже не может бороться. Силы оставили ее.

Состояние исступления сменяется у Алмаст грустью. Княгиня покорила року. Склонив голову, она танцует женственно, пластично... Но вдруг начинается отчаянное круже-

ние: Все кончено! Все кончено! Все кончено! В изнеможении Алмаст падает на тахту.

Мы сошлись однажды вместе
Пировать, толаво, толаво!...—

поют опоенные княгиней воины.

В ушах Александра Афанасьевича гудят тубы. Их гудение подобно рокоту зимнего моря.

Пьяные воины поднимаются, пытаются плясать, спотыкаются, падают... Потух свет. Взмахнула ли Алмаст светильником? Александр Афанасьевич перелистывает свою запись. Взмахнула. Сигнал шаху подан.

Теперь композитору слышится тема «Персидского марша». Идут персы. Их тысячи. Они заполняют крепость.

Звучит «Гимн персидского шаха». Шах где-то близко. Вот он появился.

Спендиаров отчетливо видит его лицо: красная борода... Черные блестящие глаза...

Третий акт окончен. Теперь можно лечь и вытянуться. Глаза застилает красная пелена. В висках непрекращающийся стук. Что это? Болезнь? Необходимо перешагнуть через болезнь и взяться за четвертый акт. Опера должна быть окончена! Сейчас состоится встреча двух честолюбцев. Спендиаров предвкушает ее, ищет на клавишах. Но красная пелена становится все гуще, плотнее. Александр Афанасьевич ложится в постель.

Все смешалось: сегодня, завтра, вчера... Мелькают лица матери, брата, большого Лесеньки. Нет, нет, он не отдаст себя смерти.

В мозгу продолжает строиться музыка. В четвертом акте Алмаст должна раскаяться. Глубочайшее раскаяние, уравнивающее преступление.

Что это? Почему звучит тема песни «Джан гюлюм», предсказавшей княгине гибель? Сначала тихо, потом все более явственно, более могуче. Так может звучать только финал. Финал оперы «Алмаст»?

Композитор вскакивает, пытается запеть. Но его душит кашель. Чьи-то руки укладывают его голову на подушку, кто-то успокаивает его:

— Санечка... Санечка...

Санечкой называла его в молодости Варвара Леонидовна.

Вот она тут, рядом с ним. Ее прохладная рука покоится на его лбу. Лоб горит... Он должен преодолеть смерть. Опера «Ал-маст» должна быть окончена.

Кажется, ему становится легче. Теперь надо подкрепить его питанием. Это повторяют все. Хористки приносят ему маленькие кулечки с продуктами. Варвара Леонидовна заботливо прячет их в конторку. А мыши? Не залезут в конторку? Кто-то приносит бутылку крепкого вина. Силы больного восстанавливаются медленно. Но вот он сидит уже в постели и пытается писать, хотя руки еще слабы.

Хористы больше ничего не приносят. Голод. Скорбное лицо Варвары Леонидовны покрылось морщинами.

Композитор голоден, страшно голоден! Держась обеими руками за перила, он поднимается наверх. Открывает дверцу буфета — ничего нет. Заглядывает в жестянки, ведра, кастрюли — тоже ничего.

Даже Варвара Леонидовна пала духом. Дети бродят по саду и жуют какую-то травку.

Весна. Море переливается золотом. Начинают распускаться розы.

Что это? Голоса детей звучат небывало громко. В них слышатся радостные нотки!

Александр Афанасьевич подходит к окну. Варвара Леонидовна вышла в сад. У нее спокойное и даже, пожалуй, довольное лицо. Она окликнула детей.

С берега доносятся громкие веселые голоса. Что случилось?

Опираясь на трость, еле волоча ноги, Александр Афанасьевич идет на берег. Сколько солнца! Всюду народ, поблескивают ведра.

Шатаясь, Александр Афанасьевич идет к самому морю. Ах, вот что привело сюда народ! После весенней бури на берег выбросило косяк рыбы. На гравии кучи трепещущей хамсы!

Подбежали дети с ведрами, котелками, жестянками. На их лицах румянец. Да и сам Александр Афанасьевич порозовел от солнца...

НА КОМПОЗИТОРСКОМ ЧЕРДАКЕ

Артисты, которые застряли в Судаке во время гражданской войны, разъехались по домам.

Уехала и Софья Яковлевна Парнок. Уехали все соратники Александра Афанасьевича по музыкально-общественной деятельности. Композитора тоже потянуло из захолустья. Летом он уехал в Феодосию. Здесь его тотчас же окружили профессиональные музыканты и засидевшиеся без дела любители. Александр Афанасьевич энергично взялся за создание концертной группы и подготовку к концертам.

Все шло к полному благополучию. Крымнаркомпрос назначил Спендиарову, так же как и другим выдающимся представителям интеллигенции Крыма, обильный академический паек.

Но писать оперу было невозможно. На мансарде дома Айвазовских, где Александр Афанасьевич поселился, было нестерпимо жарко, и к тому же квартира была так заполнена вещами, переправленными в Феодосию для продажи, что Александру Афанасьевичу пришлось пристроиться с рукописью на подоконнике. Он перекочевал в давно покинутую «людскую кухню» Айвазовских, привлечшую его своей обособленностью и подвальной прохладой, разложил рукописи на плите и приступил к работе. Но не тут-то было! Почуввав человеческий дух, изо всех щелей выползли тараканы!

Композитор сложил рукописи, спрятал карандаши в жестяную коробку и в изнеможении опустился на кухонную скамью. Все тяжелое, что он в свое время перенес так стойко, навалилось теперь на его плечи, и он почувствовал, что уже не в силах переносить новые житейские невзгоды.

За окошком кухни шелестела старая акация. Ветер пронес по двору облако желтой пыли.

Александр Афанасьевич вышел на унылый двор, прошел в калитку, на пристань... Здесь он прогуливался когда-то с Айвазовским.

Порыв морского ветра чуть не унес канотье композитора. Он снял шляпу и, заложив руки за спину, стал прохаживаться по пристани. На этой скамье они сидели — Иван Константинович и он, в то время ученик Римского-Корсакова. Айвазовский был в круглой соломенной шляпе. Из-под шляпы виднелись белые бакенбарды.

Нигде нет такого густого синего цвета моря, как в Феодо-

сии, и такого круглого, как мяч, красного солнца над сияющей полосой горизонта.

Александр Афанасьевич глубоко вдохнул морской воздух и задумался.

Алмаст должна появиться с минуты на минуту: ведь Надир-шах уже послал за нею. Композитор ясно увидел героиню в черной траурной одежде. Как она страдает! Боже, как она страдает!

Композитор вскочил со скамьи и поспешно пошел домой. Если ему удастся передать в музыке образ кающейся Алмаст, это будет большая победа.

Александр Афанасьевич на кухне. Он пишет, стряхивает с рукописи маленькие усатые чудовища и снова пишет.

Осенью приехала Варвара Леонидовна со своей скатертью-самобранкой и волшебной палочкой. Заставленная мебелью мансарда миглом превратилась в уютную квартиру, а на столе, распространяя домашний аромат, задымился обед.

Александр Афанасьевич мог наконец взяться за работу. Пополневший, поздоровевший, в заштопанном и отстиранном бархатном пиджаке, он сидел в отведенной ему рабочей комнате за пианино, прибывшим из Судака.

В комнатах тихо и тепло. Пианиссимо звучит тема раскаявшейся Алмаст и, как уходящий отзвук, тема соблазлившей ее песни ашуга.

Варвара Леонидовна зовет Александра Афанасьевича к столу, но он не слышит ее голоса. В его глазах волнение ожидания. Невидящим взглядом он смотрит на лицо жены. Что будет? Как поведет себя Алмаст?

Александр Афанасьевич машинально идет к столу, машинально ест.

И снова он в рабочей комнате. Чем оскорбительнее, насмешливее будет держаться Надир-шах, тем ярче выявится образ Алмаст.

Партию Надир-шаха Спендиаров пишет долго, очень долго. Пишет, стирает, переделывает...

Варвара Леонидовна уехала в Судак, и вместе с нею исчезло благополучие: теперь уже не замечать внешнего мира было невозможно. В неопытных руках дочери Марины, приехавшей на смену Варваре Леонидовне, недоваривался обед, недоуби-

рались комнаты. Печка-«буржуйка», которая превосходно топилась, когда она была в руках Варвары Леонидовны, теперь безбожно дымила.

На композиторском чердаке, как прозвали в Феодосии квартиру Александра Афанасьевича, шумно. Он переполнен посетителями. Приходят репетировать пианисты, скрипачи, певцы. Днем Александр Афанасьевич, увлеченный музыкально-общественной деятельностью, репетирует ансамбли с дочерью.

Оба стоят у плиты и, бросая в кипящую воду по картофелине, поют во все горло. Кипяток брызгается, шпарит руки... Александр Афанасьевич делает предложение: не лучше ли бросать картофелины издали?

На мансарде становится все холоднее. «Буржуйка» дымит. Невозможно писать.

Все вываливается из рук. Такой дьявольский беспорядок, что ничего нельзя найти. Где, например, очки? Ну, скажите на милость, где очки?

Композитор и его дочь переворачивают все рукописи, все кастрюли, всю мебель и наконец находят очки на дне бака с водой. Александр Афанасьевич по рассеянности принял его за ночной столик.

Утром, до того как истоплена «буржуйка», вылезать из постели ужасно трудно. Не поднимаясь, Александр Афанасьевич занимается с дочерью теорией музыки.

— А ну-ка,— кричит он из своей комнаты,— ответь мне, что такое интервал?

— Разность по высоте двух звуков, взятых одновременно или последовательно! — кричит из своей комнаты дочь.

— Молодец! Ну, а теперь дай мне определение аккорда! Неверно! Как я тебя учил? Что это ты, милая моя...

Но необходимо взяться за утренние дела. Начинается сопровождаемая ворчанием борьба со своенравной «буржуйкой» и, наконец, завтрак, после которого можно приступить к сочинению.

«Буржуйка» раскалена докрасна. В мансарде тепло. В большом зеркале отражаются горшок красных хризантем, ялтинские ковры, ялтинские вазы...

Александр Афанасьевич у себя в комнате за фортепьяно. Он играет и поет. Сочиняется полный ненависти диалог Надир-шаха и Алмаст.

Но откуда этот дым? Ах, черт возьми! Опять эта «буржуй-

ка»! Капюшон нахлобучен на голову Александра Афанасьевича. Все окна и двери раскрыты настежь.

Композитор на коленях перед «буржуйкой». Колени скоро устают. Он садится на корточки. И вдруг слышит над собой знакомый голос. Знакомый? Больше, чем знакомый.

Александр Афанасьевич вскакивает и обнимает комиссара Орловского.

Теперь все будет хорошо. Он расскажет Валентину Викентьевичу обо всех своих трудностях. Но сперва надо его угостить. За это время композитор научился варить такое гениальное какао!

Орловский в недоумении.

— А что с оперой? — взволнованно спрашивает он Александра Афанасьевича, который суетливо возится с керосинкой, с кастрюлей.

Композитор не слышит вопроса. Он слишком занят приготовлением какао.

— А как ваша опера? — снова спрашивает его Валентин Викентьевич.

Какао выпито. Александр Афанасьевич теперь занят мыслями о неустроенности жизни. Голова его опущена. Несколько минут он сидит в молчании, потом поднимает голову.

— Опера, вы спрашиваете? — говорит Александр Афанасьевич вялым голосом.

Сгорбившись, как под великой тяжестью, он идет к фортепьяно. Сначала играет нехотя, словно сквозь сон, потом в нем пробуждается вдохновение, он выпрямляется, сбрасывает с головы капюшон, с плеч пелерину...

Словно веер распахивается перед Валентином Викентьевичем «Сцена пиршества». Танцуют девушки, в бешеной пляске топчут воины...

У комиссара захватывает дух. Он смотрит не отрываясь на орлиный профиль композитора. Какое мощное звучание! Какое величие!

Танцует Алмаст. Танцуют пьяные воины.

Кто там шумит за стеной? Ничего на свете не существует, кроме трагедии Алмаст!

Вот она взмахнула светильником.

Что будет дальше? Остановиться ведь невозможно!

Комиссар встал. Он взволнованно дышит. Наклонил голову к Александру Афанасьевичу.

— Геройство,— шепчет комиссар,— подлинное геройство!
В таких условиях...

Появился Надир-шах, а вот Алмаст...

Но музыка оборвалась. Спендиаров поправляет очки и близоруку всматривается в рукопись.

— Еще не готово, надо отработать,— говорит он усталым, разбитым голосом, откинувшись на спинку стула и прикрыв глаза.— Но осталось уже совсем немного, месяца на два, на три, не больше...

СПЕНДИАРОВ И ГЛАЗУНОВ

Разбуженный рано утром жизнерадостным писком цыплят, следовавших по клумбам за ворчливой курицей, Александр Афанасьевич выходил на берег.

Затем он укрывался в прохладной тиши кабинета. Это было в апреле 1923 года. Возвратившись из Феодосии в Судак, Спендиаров энергично взялся за работу над оперой.

Усердие, как всегда, привело Александра Афанасьевича к вдохновению, и вскоре в кабинете зазвучали финальные сцены «Алмаст».

Опера на сюжет поэмы «Взятие крепости Тмук» была почти закончена, когда пришло известие о смерти Ованеса Туманяна. Погасла мечта показать поэту готовую оперу «Алмаст». Композитор почувствовал спад творческих сил.

Но прошло некоторое время, и он, как всегда, преодолел себя. С раннего утра Спендиаров за фортепьяно. Трагедия раскаявшейся княгини захватывает его с новой силой.

Я знаю, на земле мне нет прощенья,
О похититель счастья моего,
Отрада мне одна осталась — мщенье!
Не за себя я мщу, а за него,—

пел Спендиаров слова Алмаст перед ее покушением на шаха. Пел он так гневно и в то же время с таким раскаянием, такой любовью в голосе, что младшие дети, забежавшие было к отцу, остановились и, приложив палец к губам, вышли в сад.

В последующие дни в кабинете звучала фортиссимо в низком регистре тема роковой песни «Джан гюлюм». Княгиню увели на казнь.

Опера «Алмаст» была завершена 23 мая 1923 года. Но инерция творчества еще долго не отпускала композитора. Он про-

игрывал давно написанные отрывки, что-то переделывал, совершенствовал. Потом у него появилось острое желание показать свое новое сочинение Глазунову, публике, всему миру. Ему казалось, что только тогда он почувствует радость завершения.

Снова композитор у конторки. Он оркеструет отдельные отрывки оперы.

Когда первая сюита из оперы «Алмаст» будет готова, Александр Афанасьевич поедет в Ялту, где впервые исполнялись все его сочинения.

В Ялте много друзей. Александр Афанасьевич не ожидал, что в Ялте у него окажется столько друзей.

Бывший Стахеевский сад, в котором состоялся авторский концерт Александра Афанасьевича Спендиарова, был переполнен его друзьями: композиторы, дирижеры, хормейстеры, хористы — участники ялтинского музыкально-драматического кружка, татарские музыканты, подарившие ему столько народных мелодий, знакомые, бывшие подопечные...

Сначала прозвучали «Три пальмы», всколыхнувшие у многих воспоминания молодости.

Затем была объявлена сюита из новой, недавно сочиненной оперы «Алмаст». Новой? Недавно сочиненной?

После исполнения сюиты публика стала протискиваться к эстраде. Каждому хотелось увидеть поближе композитора, который сумел в трудных условиях гражданской войны создать оперу.

Поздней осенью 1923 года Александр Афанасьевич отправился в Петроград.

Город уже лежал под пеленой снега и казался спокойным и даже сонным со своими бело-черными мостами, бело-бронзовыми памятниками и бело-стальной Невой.

Пролетка прокатилась мимо поседевшего от снега Казанского собора и остановилась у знакомого подъезда.

Двери заколочены. На заснеженных ступенях ни одного следа. Спендиаров вошел в мрачный двор, поднялся по грязной «черной» лестнице, позвонил...

Послышались тяжелые шаги и тяжелое дыхание.

Все было слишком неожиданно, чтобы можно было сразу заговорить. Спендиаров и Глазунов шли по темному тесному коридору, заставленному мебелью и какими-то ящиками. Оказались в маленькой комнатке, в которой стояли фортепьяно и круглый столик. На столе графинчик, помятый огурец...

У Спендиарова сжалось сердце: какое одутловатое лицо у Глазунова! В его глазах ни искорки радости!

До Спендиарова уже давно доходили слухи о семейных неурядицах Александра Константиновича, но ведь все на свете поправимо! А трудности? Кто их не испытал в наше время?

Необходимо поднять настроение друга. Александр Афанасьевич прибодрился и стал рассказывать Александру Константиновичу о пережитом.

Но теперь его рассказ стал веселым, кража «гонорара» вспоминалась легко. Александр Афанасьевич даже заразительно смеялся, изображая себя шагающим под ружьем по судакским дорогам.

Как он был счастлив, когда поймал тень улыбки на лице своего сумрачного друга!

Об «Алмаст» Спендиаров пока молчал. Не зная, сочинил ли что-нибудь за это время Глазунов, он боялся огорчить его своей победой. Но Глазунов сам спросил его о новой опере, и пришлось ответить.

Александр Константинович просиял. Трудно представить себе, что человек, погруженный в бездну уныния, мог так порадоваться удаче друга!

Он заторопил Александра Афанасьевича, сам принес из передней его фибровый чемодан, помог раскрыть его, положил синюю папку на фортепьяно, достал ноты, поставил их на пюпитр и усадил смущенного Александра Афанасьевича на вертящийся стул.

В комнатке было холодно. Александр Афанасьевич с трудом разогрел руки, да и волновался он, как на экзамене. Потом взял несколько аккордов, заиграл, запел...

Глазунов сбросил с себя черную лоснящуюся пелерину и тяжело опустился на стул рядом с Александром Афанасьевичем.

Александр Константинович не знал текста арии Надира, поэтому он пел без слов, покрывая мощным гудением слабый голос Спендиарова.

Затем его руки оказались на клавишах, и скоро невозможно было устоять, кто играл с большим увлечением — автор оперы или его ревностный друг.

Через несколько дней в Петроградской филармонии состоялся авторский концерт Спендиарова.

«Три пальмы» прошли благополучно.

Когда зазвучал «Персидский марш» из оперы «Алмаст», Александр Афанасьевич стал беспомощно клониться в сторону. Его подхватили скрипачи.

Многие из публики бросились к эстраде, на которую уже взгромоздился Глазунов. Спендиарова повели под руку в дирижерскую и уложили на диван.

Но едва речь зашла о немедленном прекращении концерта, Александр Афанасьевич поднялся и со словами: «Прекратить исполнение сюиты из оперы «Алмаст»?..» — двинулся, пошатываясь, к эстраде.

Его остановили, стали уговаривать.

Но кто, как не самый близкий его друг Глазунов, мог уговорить Спендиарова пощадить свое здоровье? И в то же время кто, как не самый близкий его друг Глазунов, мог понять, что осуществить задуманное иногда важнее, чем здоровье и даже жизнь.

Александр Константинович вернулся в зал и уселся на свое место. Лицо у него было озабоченное.

Конферансье объявил продолжение концерта.

Затем, стараясь придать своей походке твердость, на эстраду вышел улыбающийся Александр Афанасьевич.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ШИРОКИЙ ПУТЬ

елый пароход «Ленин», на котором композитор и его две дочери ехали из Феодосии в Батум, заходил во все порты — большие и малые. Стоял он так долго, что можно было успеть пообедать в местной столовой, выкупаться в море и даже осмотреть город.

Палуба заполнялась всё новыми пассажирами. Чтобы пройти от одного конца к другому, приходилось лавировать между многими тюками, узлами и выцветшими, но еще сохранившими национальную гамму красок цинковками.

Образовался целый табор людей, одетых в национальные костюмы, напевающих свои родные мелодии и громко переговаривающихся.

Александр Афанасьевич любил людское скопление не менее, чем одиночество. Он бродил по палубе, приглядываясь, прислушиваясь, и все время не сходила с его лица особенная, сохранившаяся в памяти современников созерцательная и необыкновенно благожелательная полуулыбка.

Ритмический шум рассекаемых волн предполагал к пению. Пели все: и горцы в наброшенных на одно плечо черных бурках, и абхазцы в белых войлочных шляпах, и грузины; их башлыки, надетые на высокие папахи, подчеркивали горделивость осанки. Пели тихо, не заглушая друг друга, и получалось какое-то общее, мирное, задумчивое напевание.

Пение продолжалось до позднего вечера, потом, как по команде, пассажиры укладывались тут же на палубе на своих цинковках и засыпали.

Александр Афанасьевич бодрствовал. Душевный подъем, который он испытывал всю дорогу, не оставлял его. Исполнялась мечта его юности. Он едет в Армению. Он должен поднять армянскую музыкальную культуру. В этом теперь его задача, его жизнь.

Около Сочи на море началось волнение. Многие пассажиры сошли в трюм, а когда поднялись над бортом первые волны, палуба совсем опустела.

Спендиаров остался один. Держась за мачту, он вглядывался в непроницаемый туман брызг.

А волны всё росли. Они горой вздымались над палубой и, дрогнув, обрушивались на нее.

Когда буря начала стихать, композитор спустился в каюту. Переменил мокрую одежду, улегся, закутался, уснул. А утром все с той же созерцательной благожелательной полуулыбкой бродил по залитой солнцем, многолюдной палубе.

От Багума до Тифлиса ехали в таком тесном, в таком туго набитом пассажирами вагоне, что, для того чтобы пройти в тамбур, приходилось пробираться сквозь целый лес босых ног.

Когда пересаживались в ереванский поезд, брали места с бою. На третьи, багажные, полки втиснулись смуглые мужчины в залатанных одеждах. Ниже поместились их крикливые жены в шалях, прикрывающих нижнюю часть лица.

Дочери постелили Александру Афанасьевичу домашнюю постель, но он не ложился спать всю ночь. Ждал Армению. На первой же армянской станции вышел на перрон. Вдали чернели лесистые горы; от них веяло ночной сыростью.

Поезд двигался по Армении. Александр Афанасьевич не отходил от окна. Смотрел на темные горы в предрассветном тумане. Через горы перевалили длинные лучи солнца, и не прошло и мгновения, как вспыхнул пожар осенних красок: оранжевых, красных, желтых, лиловых!

Пожар разгорался все ярче. Спендиаров разбудил дочерей. С трудом находя слова от волнения, он говорил им, что это и есть горная страна Лори, где находится родное селение Ованеса Туманяна, что именно здесь разыгралась трагедия Ануш — одной из любимых героинь поэта.

Композитор радовался, восхищался, выходил на всех станциях и успокоился только тогда, когда поезд выкатился на безбрежную сухую равнину, усыпанную острыми глыбами розового и оранжевого туфа.

Когда миновали Лениакан, началось новое волнение. Александр Афанасьевич перебегал от окошка к окошку, боясь пропустить Арарат. В его воображении было столько Араратов! С детства он знал Арарат библейский, потом услышал о нем в народных песнях. Не было, кажется, ни одной

армянской народной песни, в которой не воспевался бы Арарат.

Солнце было уже в зените, когда перед Александром Афанасьевичем предстал реальный Арарат. Сначала появилась вершина Большого Арарата среди похожих на закатные облака желтых, розовых и лиловых предгорий. Потом к ней приблизился белоснежный конус Малого Арарата, и, наконец, обе вершины встали рядом.

«БОГАТЫРИ»

По крутой Царской улице (ныне Спандарян) поднималась арба, нагруженная вещами Александра Афанасьевича. Композитору предоставили квартиру на самом верху предместья Конд.

Тяжело ступали рыжие быки, скрипели колеса, тряслись потертые чемоданы. Арба передвигалась медленно, и медленно шли за нею Спендиаров и Сарьян. Иногда они останавливались и, обозревая расстилавшийся внизу плоскокрыший Ереван, выхватывали из его блеклого колорита бирюзовый купол мечети под дымкой дали, а вблизи — оранжевые тыквы на крышах и гирлянды пунцового перца над входом в низкие жилища.

Останавливались, шурились на солнце и шли дальше, пока новая красочная деталь не задерживала внимания художника и он не сообщал об этом погруженному в музыкальные мечты композитору.

— Где? Где? — встрепенувшись, спрашивал Александр Афанасьевич.

— Вон там, за тем домиком налево, видите? Еще не облетевшее айвовое дерево, и в его ржавой листве золотые плоды...

— Какая прелесть!

— А вон ослики поднимаются в гору...

Прикрыв рукой глаза от солнца, они наблюдали за вереницей груженных травой осликов, за которыми следовали длинные вечерние тени.

В первое время по приезде в Армению Александр Афанасьевич много бродил по Еревану в сопровождении Мартироса Сергеевича Сарьяна.

Они рассматривали строящуюся гидростанцию, спуска-

лись к волнам зеленой Зангу, под медно-красные кроны диких яблонь, поднимались на холмы Норка и останавливались, пораженные зрелищем древнего Арарата, как бы возникающего из глубины неба.

Но пришло время, когда пейзажи Армении остались только фоном жизни композитора. Его захватила работа.

Она кипела повсюду. Создавалось все первое: первая гидростанция, первый Государственный драматический театр, первая художественная студия, первый университет.

Свой ум, талант, накопленные за всю жизнь знания, отдавали созданию социалистической культуры Армении патриоты-мечтатели, съехавшиеся в Армению со всех концов России.

Спендиарову они казались сказочными богатырями. Несмотря на труднейшие условия — жизнь еще не наладилась, — они оставались бодрыми, деятельными, а главное, не теряли способности безудержно веселиться.

Хрупкий Александр Афанасьевич скоро устал от бесконечных банкетов, устраиваемых «богатырями» в его честь, и от отсутствия домашнего уклада.

Не имея возможности сосредоточиться на каком-нибудь занятии, он бесцельно слонялся по дому, бродил по улицам, заходил в консерваторию и сидел в полудремоте то в одном, то в другом классе.

Недели через две после приезда в Армению Спендиаров зашел к директору консерватории и сказал ему, что необходимо создать симфонический оркестр.

Споры, возникшие по этому поводу, отняли у композитора много драгоценного времени. Но наконец в самый обыкновенный будничный день девятнадцать раскрасневшихся от волнения юношей расставили в зале классные пюпитры, и Александр Афанасьевич встал за дирижерский пульт.

Что-то совсем новое поселилось в душе композитора. С радостью принимал он теперь участие в шумных беседах «богатырей», был весел, как они, шутил, смеялся. Его дни были заполнены до позднего вечера. Он занимался со вновь создаваемым оркестром, исправлял оркестровые партии сочинений, включенных в программу первого концерта первого симфонического оркестра Армении.

Приходил в столовую «Интернационал», в которой обычно обедали «богатыри», с целой оравой учеников. Занимал для них несколько столиков и, обедая, продолжал им что-то объяснять, дирижировать, напевать.

После первого концерта первого симфонического оркестра, который состоялся 10 декабря 1924 года, Александр Афанасьевич оставался все таким же деятельным.

Его часто можно было видеть на тускло освещенных пустынных улицах. Стоя под окнами старых плоскокрыших домиков, он внимательно слушал доносившуюся оттуда музыку, записывал адреса музыкантов, приглашал их в консерваторию.

— Это ведь самое начало музыкальной жизни Армении, — говорил он коллегам и ученикам, — начало музыкального образования, концертной жизни, начало филармонии, оперы! Надо проявить особую заботливость и внимание к молодым одаренным людям.

В свободные часы он любил гулять по главной улице Еревана.

Это было неповторимое романтическое время, когда на предназначенной только для пешеходов Астафьевской улице можно было встретить чернокудрого Сарьяна, поэтов Аветика Исаакяна и Егише Чаренца, составителя первой армянской грамматики лингвиста Аджаряна, скульптора Саркисяна.

— Барев цез! Здравствуйте! — приветствовал их Спендиаров, приподнимая серую фетровую шляпу. Лицо у него светлое, улыбающееся. — Как вы поживаете? — спрашивает он друзей, и вот они уже все вместе идут посередине мостовой — первой мостовой в Ереване.

Проходят несколько шагов, и к ним присоединяется высокий, худой академик архитектуры Александр Иванович Таманян, работавший в те годы над планом нового Еревана. Еще несколько шагов — их приветствует Левон Калантар, основатель первого Армянского драматического государственного театра.

Друзья заходят в кафе «Налбанд» — узкое помещение, за стойкой которого бородатый старик продает мацун¹ и каймак². При входе в кафе висит колокольчик. Он мелодично звенит, когда открывается дверь.

Усевшись за столики, друзья продолжают беседу.

Звенит колокольчик, и в кафе входит один из основателей армянского университета Татевос Авталбекян.

---

¹ Мацун — кислое молоко особого приготовления.

² Каймак — жирные, отстоявшиеся на молоке пенки.

Еще звонок — композитор Романос Меликян, положивший начало Ереванской консерватории. За ним первые преподаватели консерватории — композиторы Спиридон Меликян, Микаэль Мирзаян, виолончелист и композитор Артемий Айвазян...

В СТАРОМ ДОМЕ НАД ОБРЫВОМ

Возвращаясь из города домой, Александр Афанасьевич сворачивал в один из переулков Конда. Там жил огромный дудукист, игру которого он слушал каждый вечер.

Иногда композитор заставлял его во дворе за чистой овчарни или заготовкой дров для очага. Боясь привлечь внимание музыканта, Спендиаров прятался за угол плоскокрытого дома и терпеливо ждал, когда в окне появится силуэт дудукиста.

И вот он появлялся. Стараясь не производить ни малейшего шороха, Спендиаров подходил к окну и слушал игру дудукиста — такую задумчивую, такую прониновенно выразительную, что она представлялась композитору беседой музыканта со звездами.

Народная песня — это не только мелодия и слова, это настроение, улавливаемое в выражении лица исполнителя, оставшегося один на один с природой.

В комнате дудукиста было темно, но при свете звезд можно было различить устремленный к небу дудук, нахмуренные брови и прикрытые от упоения музыкой глаза.

Когда напев подходил к концу, Александр Афанасьевич тенью ускользал со двора и неслышно сбегал по разбитым каменным ступеням.

Однажды днем композитор застал своего дудукиста в ашугской конторе¹. Это он так азартно бил костяшкой по доске, что неистовый стук нардов² был слышен на улице. Над его мощным носом торчал заломленный козырек картуза.

Держа шляпу в руке, Спендиаров подошел к дудукисту и робко попросил его сыграть древнюю арабскую песню, которая продолжала звучать в его воображении.

Беликан был сговорчив. Он стукнул в последний раз ко-

---

¹ Ашугская контора — так назывались помещения, в которых народные музыканты ждали приглашения на свадьбу, на похороны.

² Нарды — армянская настольная игра в кости.

стяжкой, расправил плечи, кликнул другого дудукиста и, усевшись на табуретку дхоллиста, встал с напарником за его спиной. Знакомая Александру Афанасьевичу звездная мелодия зазвучала полно и насыщено.

Музыканты играли песню за песней. Неизвестный им человек в сером потертом пиджаке сидел за столом и записывал в желтой тетрадке тонким, остро отточенным карандашом.

Когда музыка замолкла, он горячо поблагодарил их и ушел. Но потом приходил к ним часто. Говорил о своей любви к народной музыке, о том, что народным музыкантам обязательно следует обучаться музыкальной грамоте, чтобы самим записывать народные мелодии.

Наступило лето 1925 года.

Спендиаров работал над оркестровкой «Алмаст». В окне его комнаты вырисовывалась скучная, безлесная гора Цицернакаберт.

Александр Афанасьевич выходил за ворота. Оттуда был виден Арарат. Созерцание величественной горы давало ему необходимую для работы ясность духа.

Мимо ворот проходили знакомые.

— Вы кого-нибудь ждете? — спрашивали они композитора.

— Что вы здесь делаете, Александр Афанасьевич?

Однажды застал его за воротами архитектор Таманян. Боясь заслонить священную гору, он встал рядом с композитором и любовался вместе с ним снежными вершинами.

— Арарат заменяет мне море, — сказал Спендиаров Таманяну. — Как бы мне хотелось видеть его из окна во время работы! Нельзя было бы хоть на дневное время предоставить мне комнату с видом на Арарат?

— Можно, — твердо сказал Таманян.

Через несколько дней он зашел за Спендиаровым, и они пошли вниз, все вниз, мимо темной чинары у входа в бирюзовую мечеть, мимо старой приходской школы. Обойдя церковь вишневого цвета, они подошли к открытым воротам, за которыми пестрели цветы и тянулись к небу тополя.

В саду стоял длинный, одноэтажный плоскокрыший дом — Арачнордаран — бывшая резиденция епископа. Взойдя на балкон, Александр Афанасьевич и Александр Иванович Таманян прошли узорчатой дверью в прихожую, а оттуда в большую комнату, где стояли фисгармония, тахта и поломанный ломберный стол. Спендиаров подбежал к окну. Арарат во всем своем величии возникал из вечернего неба.

Архитектор и композитор вышли на второй балкон, высящийся над обрывом к реке Зангу. Сели на тахту. Спендиаров был взволнован. Он то и дело обращался к Таманяну:

— Слышите шум Зангу?

— А Арарат! Взгляните на Арарат!

Он приходил в Арачнордаран рано утром. Сначала прогуливался по балкону, наслаждаясь открывающимся перед ним видом на зелень садов, на старый мост, перекинутый через пенистую Зангу, на двуглавую гору в светлом небе. Потом он уходил в комнату, садился за трехногий ломберный стол, придвинутый к окну, и писал партитуру «Алмаст».

Голоса инструментов, уже давно намеченные в его воображении, звучали теперь ярко, разноцветно...

Время от времени он выходил на балкон, прохаживался, глядя на Арарат, и с увлечением пел мелодии из «Алмаст».

Но однажды, выйдя на балкон, он остановился у деревянной балюстрады и долго стоял молча, следя взглядом за изгибами дороги на Эчмиадзин. В душе его звучала мелодия, которую он слышал совсем недавно.

Это было в саду знакомого поэта. Спендиаров сидел на ковре и любовался красными головками мака. Было так тихо, что, наклонившись к земле, можно было услышать, как жужжат и копошатся в траве крошечные букашки. И вдруг тишину пронзил высокий голос одного из гостей поэта.

Голос певца был полон острой тоски:

Твой силен ум...

Слова песни говорили о тоске по любимой, но в мелодии звучало что-то гораздо более глубокое, гораздо более значительное...

Дун эн глхен...—

стоя у балюстрады, напевал Александр Афанасьевич.

Скорбная мелодия слышалась ему всюду. Порывисто открыв крышку фисгармонии, он импровизировал на тему этой скорбной песни.

Сначала Александр Афанасьевич пытался сдерживать свое страстное желание создать армянскую пьесу. Необходимо было закончить оркестровку оперы «Алмаст». Он усаживался за трехногий стол, брал в руку тонкий партитурный карандаш

и каллиграфически выводил строки партитуры. Но пришло время, когда он сдерживаться больше не мог. Всеми чувствами его и помыслами овладело новое сочинение.

Целые дни звучала над Зангу печальная и в то же время по-спендиаровски тонкая и изящная музыка. Потом последовал за нею грациозный танцевальный напев, тему которого Спендиаров записал еще зимой, услышав нежную мелодию армянской женской пляски «Энзели».

Цветок-танец распускался все пышнее и пышнее. Спендиаров играл с увлечением, нажимая на стучащую педаль и подпрыгивая на стуле. И вдруг за окном, около которого он сидел, появились детские личики. Спендиаров перестал играть и посмотрел на детей со своей широкой, радостной и необычайно доброй улыбкой. Личики исчезли, как видение. Александр Афанасьевич снова заиграл, и снова они появились. Теперь детей набегало столько, что им приходилось становиться на цыпочки и глазеть из-за плеч друг друга.

Ритм пляски становился все заразительнее. Сначала робко, потом увереннее дети выделяли руками танцевальные движения. И вдруг Спендиаров оборвал музыку. Дети кинулись врассыпную. Сколько их было, больших и маленьких, рыжеватых, черномазых... Так и мелькали по балкону их розовые пыльные пятки!

Первый номер этюдов, вдохновленных Ереваном, был готов.

Спендиаров приступил ко второму — «Гиджасу».

Над Зангу воспарила звездная мелодия дудукиста. Александру Афанасьевичу казалось, что этот древний арабский напев уносит его в те далекие времена, когда в Армению пришел завоеватель из Аравии и принес с собой тоску по небу-загадке, по звездам-загадке...

Фисгармония гудит, подражая гобой. Соло гобоя поднимается высоко и вдруг, как бенгальский огонь, рассыпается прихотливыми звуками-искрами...

С балкона доносится топот детских ног. Взявшись за руки, дети прыгают в такт быстрой части «Гиджаса».

Несколько дней бесконечных проигрываний нового сочинения, и Спендиаров возвращается к оркестровке «Алмаст». На сердце у него легко, как всегда бывает у творца, свалившего с себя великое бремя созидания.

Рано утром композитор спускается к старому дому над обрывом и останавливается у ворот, за которыми светятся

алые, синие, желтые пятна цветов. Поднявшись на балкон, он стучит к соседке и напевает:

Амалик, Амалик,
Дур инц баналик¹.

Дверь открывается, показывается тонкое личико черно-волосой девочки, за ним еще личико, еще...

Спендиаров знает по имени всех своих маленьких соседок: Амалик, Офик, Тамара, Алварт... Они стараются помочь доброму дяде-музыканту, исполняют его маленькие поручения: передают деловые письма, приносят с базара виноград и помидоры.

Однажды они устроили во дворе праздник, и Спендиаров был одним из его участников. Александр Афанасьевич вытащил во двор фисгармонию — и какое началось веселье! Дети декламировали, танцевали, пели, а потом маленькая певунья Алварт Гальян — круглолицая девочка с веселыми карими глазками — запела соло народную армянскую песню таким сильным, таким ярким голосом!

Стояла золотая ереванская осень. Воздух над Зангу был свеж и чист.

Работа по оркестровке «Алмаст» шла необычайно быстро. Еще месяц, другой, и опера была бы оркестрована до конца.

Но кончились каникулы. Пришлось ежедневно ходить из Конда в консерваторию, из консерватории садами в Арачнордаран, из Арачнордарана по крутой, почти отвесной дороге домой на Конд. Александр Афанасьевич натер ступню. На ней образовались раны. Он больше не мог приходить в старый дом над обрывом, где ему работалось так спокойно и легко.

Первое исполнение «Ереванских этюдов» состоялось 27 декабря 1925 года.

Прихрамывая, Александр Афанасьевич вышел на эстраду. Переполненный публикой зал Дома культуры Армении был ярко освещен.

Александр Афанасьевич терпеливо ждал, когда замолкнут приветственные рукоплескания. Потом он обернулся к оркестру, и зазвучала близкая всем слушателям, подлинно армянская музыка, впитавшая в себя извечную печаль обездоленного человека, гонимого несчастьем и насилием.

---

¹ Амалик, Амалик, дай мне ключик.

В публике плакали.

И вдруг всеми красками заиграл веселый танец. Композитор выпрямился. Лица слушателей просветлели. Какой-то седовласый крестьянин в черкеске схватился за стул, чтобы не пуститься в пляс. Потухло электричество. Оркестр продолжал играть в темноте. Электричество вспыхнуло.

Танцуй, армянский народ! Забудь свои древние горести! Танцуй и радуйся! Жизнь прекрасна!

ВЕРШИНА ЖИЗНИ

Однажды — это было весной 1925 года — к Александру Афанасьевичу пришел архитектор Таманян и принес план первого советского жилого дома, в котором Спендиарову обещали дать квартиру.

Друзья долго рассматривали квадратики плана и наконец на одном из них поставили крестик: здесь будет квартира с видом на Арарат.

Дом строили долго. Придет Александр Афанасьевич на стройку — роют фундамент. Придет через несколько месяцев — выкладывают фундамент камнями. Еще через несколько месяцев — поднимаются стены.

Весной 1926 года, когда дом стоял еще в лесах, Александр Афанасьевич взобрался по деревянным мосткам в свою квартиру.

Радостное оживление не покидало композитора.

Белоснежный дом с облицованными темно-серым туфом балконами и окнами стоял среди фруктовых садов. По соседству — ханский дворец, украшенный разноцветной яркой глазурью.

Неподалеку — немощеная площадь; под ее пыльными деревьями — стоянка нагруженных осликов и верблюдов.

Весна в этом году особенно дружная: сплошные солнечные дни и пышный расцвет абрикосовых деревьев. Александра Афанасьевича приглашают на авторский концерт в Тифлис, а ему так не хочется расставаться с новой квартирой, с Араратом, с абрикосовой рощей, которая пышно зацвела совсем близко от его дома.

Жизнь постепенно налаживается. Правда, еще пока трудно с деньгами. Денежного пособия, которое композитору выдают ежемесячно, не хватает на его большую семью. Но после юбилея двадцатипятилетней музыкальной деятельности Спен-

диарова, начавшейся, как считал композитор, с первого исполнения «Концертной увертюры» в Павловске, все будет, конечно, по-другому.

В Тифлисе Александра Афанасьевича тоже не покидала радость. Концерт, на котором исполнялись «Ереванские этюды» и первая сюита из оперы «Алмаст», прошел с огромным успехом.

Потом состоялась поездка по тихому морю в Судак, во время которой композитор мысленно рассказывал Варваре Леонидовне, бабушке, Аленьке, детям все подробности триумфального тифлисского концерта.

Он не сообщил домашним о своем приезде, так как любил сюрпризы. Легко спрыгнул с палубы парохода в покачивающуюся лодку, а затем, поручив вещи знакомому рыбаку, все убыстряющейся походкой пошел сперва по песку, тотчас же набравшемуся в его порыжелые парусиновые туфли, потом по мягкой пыли дороги.

Чуть заметный подъем — и то, к чему он стремился, открылось перед ним как на ладони: каменная стена, за которой трепещут тополя, колодец у стены под белой акацией, роняющей белые лепестки, чугунные ворота...

Нарядный фасад, розы. Некоторые кусты роз одичали; они цветут розовым шиповником, да и часть красных канн, так ярко выделяющихся на голубом небе и море, засохла. Зато лиловый барвинок все так же легко и изобильно увивает стену цветника. Белые вьющиеся розы на крыльце цветут вовсю. Шаткие ступени деревянной лестницы надо бы починить.

Спендиаров щурится. Есть кто-нибудь на закрытой террасе? Он на цыпочках поднимается по лестнице и заглядывает в стеклянную дверь.

Все здесь! Он стучит. Дети видят его строгое лицо... Оно всегда такое, когда Александра Афанасьевича обуревают с трудом сдерживаемые чувства.

Первая охает Варвара Леонидовна. За нею патетически всплеснула руками бабушка. Аленька, дети — все окружили его с радостными возгласами. Где уж тут до рассказов о концерте! Александр Афанасьевич попытался упомянуть о маленьких венках, которыми его засыпали тифлисцы, но близкие не слушали его, близким ничего сейчас не нужно было, кроме него самого — его сутуловатой спины в старом чесучовом пиджачке, светлых, приветливых, всегда немного прищу-

ренных глаз в круглых очках, мягкого голоса, доброй полуулыбки — словом, всего того, что составляло его любимый, долгожданный образ.

Несколько дней он отдыхал, потом встал у конторки. Работа над оркестровкой оперы шла легко. Помогал привычный, давно установленный домашний уклад: утренний завтрак на открытой террасе, с которой открывался вид на Генуэзскую крепость и Новосветские горы, потом бережно охраняемая всей семьей тишина рабочей комнаты, обед, короткий отдых, снова работа.

Около террасы флигеля Варвара Леонидовна подрезает садовыми ножницами куст шиповника, стараясь придать ему прежнее розовое величие. Ее брови нахмурены, блестят все еще темные волосы.

Неподалеку от клумбы бегоний с гипсовой вазой посередине трудится над каким-то рисунком младшая дочка Мирочка. Вероятно, она напевает что-нибудь из «Алмаст». Она всегда повторяет мелодии, которые доносятся из комнаты Александра Афанасьевича. Но теперь композитор не слышит ее тоненького голоса.

Он не слышит и шума швейной машины, за которой сидит Аленка, обновляя его одежду, и веселых криков сыновей, доносящихся с берега.

Александр Афанасьевич сознает, что он глохнет.

И все-таки жизнь прекрасна! Александра Афанасьевича радует все, даже сгорбленная фигура бабушки, проходящей мимо его окна в белой фланелевой юбке с фестонами. Бабушка выходит в сад в точно определенный час и вытряхивает свою одежду. Это ритуал, и он тоже входит в привычный уклад судакского дома. Самое страшное, если этот уклад прервется.

Александр Афанасьевич отходит от окна и садится за фортепьяно.

Смотри, как он смеется, Гаянэ,
Как на груди у матери ребенок,—

поет он слова Алмаст о любимом князе.

Как прекрасен в Судакe май! Солнце ослепительно яркое, и тени особенно четкие. Любимые розы, стоящие во всех вазах рабочей комнаты композитора, кажутся фарфоровыми — так выделяются их освещенные и теневые лепестки.

— Обедать! — зовут Александра Афанасьевича дети.

Стол накрыт, но Варвара Леонидовна еще не разливает суп. Она ждет, когда соберутся все домочадцы. Ее красивые белые руки покоятся на столе.

Но вот все в сборе. У каждого свое место, у каждого свои новости, которыми хочется поделиться.

Перед Александром Афанасьевичем ветвь растущего у террасы миндалевого дерева. Сквозь ветвь голубеет море.

Веселый смех его так чист и звонок...—

мысленно поет Александр Афанасьевич партию Алмаст.

Варвара Леонидовна разливает суп. Дети весело переговариваются. Обед обычный, судакский, много лет повторяющийся обед.

Жизнь идет в своем всегдашнем ритме.

Аленька уже закончила приведение в порядок одежды Александра Афанасьевича и теперь гладила его белый пикейный костюм, разложив на круглом столе в комнате девочек старое фланелевое одеяло.

На закрытой террасе шла интенсивная подготовка к домашнему празднованию юбилея Александра Афанасьевича. Тонкая, грациозная Ляля повторяла па армянского танца. Марина зубрила слова романсов. Главный церемониймейстер Мирочка украшала стул Александра Афанасьевича цветами граната и вьющейся зеленью.

И наконец Варвара Леонидовна и Аленька водрузили на стол праздничный пирог.

В цветах и нарядных платьях Варвары Леонидовны и девочек задержалось солнце, от пирога шло теплое благоухание, когда на террасе появился Александр Афанасьевич. Даже бабушка приняла участие в дружном «ура!», которым встретили юбиляра.

Потом начались сюрпризы. Юная поэтесса Таня и самый младший сын Александра Афанасьевича «маленький Лесенька» выступили с поздравительными стихами. Марина и Мирочка преподнесли рисунки.

Позавтракав все вместе, двинулись по саду к морю. Шествие возглавлял Александр Афанасьевич — веселый, светлый, счастливый.

Пройдет несколько дней — и он укатит в Ереван, но все об этом молчат. Покинет Судак, хоть оркестровка оперы идет здесь успешно, хоть он выглядит гораздо лучше и в глазах уже нет усталости. Но он решил ехать, и это неизбежно.

В Ереване было жарко и пыльно, когда, проехав по изрытой ухабами улице Налбандян, фаэтон подвез Александра Афанасьевича к дому № 33. Встретивший Спендиарова ученик внес чемодан и ящик с нотами.

С помощью ученика Александр Афанасьевич убрал квартиру, смастерил из необструганного ящика этажерку, разложил на ее полках ноты и покрыл этажерку старой бархатной скатертью из симферопольского «флигеля мальчиков».

Снова наступила «студенческая» жизнь: убегающее молоко по утрам, казенный обед в столовой, а вечером — одиночество.

Композитор ушел с головой в общественную работу. Надо было собрать учеников, помочь молодым авторам, приступить к разучиванию новых программ, наладить концертную жизнь Еревана.

Занятия с учениками увлекали его. Он был тверд, спокоен, забывал о своих невзгодах.

Ему было пятьдесят пять лет. Жизнь его поднялась на ту вершину, с которой было видно пройденное и все яснее обозначалась широкая дорога в будущее.

В его душе создавалось новое сочинение. Возникали, помимо его воли, иногда туманные, бесконтурные, иногда пронизанные солнцем пейзажи Армении. Отдаленно звучала музыка. Уловить он пока ее не мог, но наслаждение, которое он испытывал, стараясь ее познать, было безгранично.

По воскресеньям Александр Афанасьевич ездил с учениками в районы.

Однажды состоялась поездка по селениям, где, как говорили многие музыканты, композитор Комитас собирал народные напевы.

Спендиарова сопровождал один из любимейших его учеников — юный композитор Левон Ходжа-Эйнатов.

Поехали на фаэтоне. Поднялись на коричнево-зеленые отроги Арагаца.

В селениях был праздник. Пели крестьянские ашуги. Крепко взявшись за плечи, отплясывали юноши,

Под визгливую музыку зурначей и бой дхола взлетали над бараньими папахами ярко обряженные канатные плясуны — кянтрбазы.

Нигде Спендиаров не услышал тех народных напевов, которые Комитас положил в основу своих песен!

Александр Афанасьевич попросил Ходжа-Эйнатова напеть крестьянам песни Комитаса. Крестьяне восприняли их как нечто совершенно новое.

— В чем же дело? — удивлялся композитор. Почему ашуги, сохраняющие в памяти неисчислимое множество народных песен, не знают напевов, записанных здесь Комитасом?

Потом он погрузился в размышления.

— Великий мистификатор! — воскликнул вдруг Спендиаров, откинувшись на спинку сиденья фаэтона, который вез их обратно в Ереван. — Он овладевал народным духом, воплощал его. Он сам становился народом, творящим песни! Чудо!

Другая памятная поездка была на озеро Севан.

Когда машина остановилась, Спендиаров вышел на низкий берег и молча наслаждался аметистовой гладью озера. Перед его глазами промелькнул парусник. Спендиаров проводил его взглядом, потом медленными шагами двинулся за своими спутниками к лодке, которая повезла их на остров, к древнему армянскому монастырю.

У мшисто-бурых стен монастыря двигалась разноцветная толпа празднично одетых крестьян. Эхом доносилось визжание зурны и бой дхола.

Прибыв на остров, Спендиаров сел на камень и стал записывать в желтой тетрадке. Всмотривался в разбушевавшееся к вечеру озеро и снова записывал.

Когда Варвара Леонидовна, дочь Таня и старший сын Тася приехали в Ереван на официальное празднование юбилея, их поразила худоба Александра Афанасьевича, лихорадочный блеск его глаз и непривычная говорливость.

За завтраком, за обедом, не переставая, он говорил о красоте Севана как о своем новом открытии.

В день празднования юбилея Спендиаров испытывал какое-то странное ощущение раздвоенности. Молча, со строгим, неподвижным лицом он как бы нес себя, когда направлялся с семьей в Дом культуры, а затем поднимался по парадной лестнице, запруженной ереванцами и гостями из других городов и селений.

После концерта была торжественная часть. Сначала Спен-

диаров сидел, повернув голову к выступавшим и приложив руку к уху. Но потом, отчаявшись что-нибудь услышать, оперся на спинку стула и прикрыл глаза.

Когда зачитывали поздравительные телеграммы и письма, он снова приложил руку к уху.

«Тобою восхищались Римский-Корсаков и Лядов...» — долетела до него фраза из письма Глазунова.

У Спендиарова сжалось сердце.

«Как это было давно,— думал он.— Лядов... Какой у него был добрый взгляд. Умер. Оба они умерли».

Он глубоко вздохнул и переменял позу. Как бы ища утешения, оглянулся на Александра Ивановича Таманяна и других друзей, восседавших за красным столом...

Вдруг он услышал громкий, торжественный голос:

— Присвоить звание народного артиста Армении!

Встрепенулся. Встал.

Народный артист... Да, он именно народный артист...

Зал рукоплещет стоя. Александр Афанасьевич закрыл ладонью глаза.

Сквозь непрерывный шум рукоплесканий прорвались звонкие юношеские голоса:

— Слава Спендиарову! Слава!

В КВАРТИРЕ ДОМА № 33 ПО УЛИЦЕ НАЛБАНДЯН

В квартире дома № 33 по улице Налбандян стучали молотки, скрипела передвигаемая мебель, в гулком помещении раздавались громкие озабоченные голоса.

Варвара Леонидовна и Таня азартно взялись за устройство нового жилища.

Александр Афанасьевич не принимал участия в этих хлопотах. Когда раскрасневшаяся у плиты Варвара Леонидовна входила в еще неустроенный кабинет, она всегда заставляла мужа за фортепьяно.

Спендиаров импровизировал. Играл, низко опустив голову над клавишами, словно вглядываясь в ему одному подвластную глубину, из которой извлекал ему одному подвластные звучания.

Иногда из бездны звуков вырывалась тема гадания из оперы «Кармен». Композитор всегда возвращался к этой теме, когда у него было тяжело на душе.

— Что, Варечка? — добродушно улыбаясь, спрашивал Александр Афанасьевич.

Но в голосе и во взгляде мужа Варвара Леонидовна угадывала знакомое ей состояние отрешенности, когда музыка целиком поглощала композитора, оставляя близким только его всегдашнюю кротость.

Не сказав ни слова, она возвращалась на кухню.

Входила Таня. Принималась за развешивание полосатых занавесок.

Повесив полотнище, спрашивала:

— Ровно?

Не отрывая пальцев от клавиш, композитор безучастно, но ласково отвечал ей:

— Да, деточка.

Юбилей прошел, и Александра Афанасьевича обступила со всех сторон жизнь с ее неприятными мелочами и неустроенностью.

Встал вопрос о ликвидации судакского дома и переезда всей семьи в Ереван. Но расстаться навсегда с давно установленным укладом жизни, с простором, морем было очень трудно.

Варвара Леонидовна поручила мужа и сына Тане, взяла с Александра Афанасьевича слово приехать как можно скорее в Судак, чтобы кончить оркестровку оперы, и вернулась к младшим детям.

Александр Афанасьевич оставался все таким же подавленно-озабоченным.

Приглашения на юбилейные гастроли в Москве, в Крыму, в Тифлисе, намеченные еще до юбилея, не приходили.

И вдруг среди зимы, когда композитор потерял последнюю надежду на денежное подкрепление, пришло приглашение из Ростова.

Трудно пересказать, какими гиперболическими надеждами загорелся Александр Афанасьевич. Упрекая себя в недоверии к людям, Спендиаров немедленно отправился в Ростов; был там оживлен, открыт, говорил, захлебываясь, о своих творческих планах, со своей всегдашней добросовестностью репетировал с оркестром и «горел» на концерте, как рассказывали о нем студенты, вломившиеся в двери переполненного зала.

Как же случилось, что Александру Афанасьевичу не заплатили гонорар?

Произошло ли это по недоразумению или причиной тому чья-то небрежность, чье-то недомыслие?..

Композитор вернулся в Ереван еще более подавленный. Дочери и сыну о неприятностях своих не рассказывал, опасаясь, что они упомянут о них Варваре Леонидовне, не потерявшей еще надежды на послеюбилейное благополучие.

И снова обида. Александр Афанасьевичу уменьшили субсидию.

Он принял это молча, покорно, но был настолько расстроен, что не мог оставаться дома. Уходил каждый вечер, возвращался поздно.

В один из таких вечеров он познакомился с музыкантом Василием Давыдовичем Коргановым, крупным знатоком Бетховена.

Они долго сидели в ресторане, потом ходили по ночным улицам Еревана и вели бесконечный разговор о музыке, о Бетховене...

Это было зимой 1927 года.

Александр Афанасьевич кутался в длинную шубу с поднятым воротником. На его глаза, загороженные круглыми очками, спускалась высокая бобровая шапка.

Проходя по Астафьевской улице, музыканты останавливались около булочной. Там, притулившись у дверей, играл слепой блудист.

Александр Афанасьевич прикладывал руку к глохнущему уху и всем существом своим слушал одинокого собрата.

И опять они шли, говоря о Бетховене, о его трудном жизненном пути, о недалёковидности современников, не сумевших уберечь своего композитора. В один из таких длинных вечеров друзья решили, что надо организовать концерт в день столетия со дня смерти Бетховена.

В квартире Александра Афанасьевича зазвучала музыка «Героической» симфонии.

Спендиаров вставал очень рано, раздвигал полосатые занавески и, подсев к столу, читал «Технику дирижирования».

Ему никогда не приходилось дирижировать чужим крупным произведением, да и оркестр был еще очень молод и неопытен.

Он искал совета у старых оркестрантов, проверял у них свои знания, как ученик, и жадно впитывал все, что могло помочь ему в его трудной задаче.

— Дирижировать своими сочинениями я, пожалуй, умею, — говорил он ученикам в ответ на их недоуменные взгляды, — но уж если взялся за музыку Бетховена, то тут надо учиться и учиться...

Композитор скрупулезно изучал партитуру «Героической» симфонии, призывал к себе Корганова, проигрывал с ним отрывки, и в каждой фразе они узнавали мысль Бетховена, следовали за нею, грустили, восторгались.

На репетицию Александр Афанасьевич приходил стремительный и властный.

— Вы играете, как мертвые! — кричал он ученикам, ударом палочки по пульту останавливая оркестр. — Неужели вы не чувствуете титаническую борьбу героя, будто он пробивается сквозь тысячу препятствий!

Выкурив папиросу, он снова хватался за палочку:

— Крещендо! Что у вас за крещендо! Нельзя пропускать ни одного нюанса!

— Чш... Тише! Еще тише! — шептал он через несколько мгновений.

Вытянув вперед трепещущие руки, Спендиаров все ниже склонялся к пульту, потом выпрямлялся и, направив палочку, как копьё, в сторону виолончелистов, испуленно требовал:

— Виолончели! Что вы делаете? Что у вас за звук? Это ведь главная тема! Голос самого Бетховена!

На концерте он держался спокойно. Был сдержан, торжествен, и только по непривычно яркому румянцу можно было судить о силе его волнения.

СЧАСТЬЕ

Той же весной 1927 года состоялось первое выступление оперного класса консерватории, «фундамента будущего оперного театра», как говорил Александр Афанасьевич.

Спендиаров с увлечением готовился к этому дню: присутствовал на всех репетициях, помогал артистам своими ценнейшими указаниями, тщательно обсуждал с ними грим и костюмы.

Мечта о постановке «Алмаст» на армянской оперной сцене приобретала реальность. Мечта эта охватывала Александра Афанасьевича с такой силой, что замыслы нового сочинения отошли на второй план.

Все существо композитора было наполнено музыкой «Алмаст». Он не переставал слышать ее внутренним ухом и был в эти дни так рассеян, что дело доходило до курьезов.

Однажды, например направляясь на репетицию в Дом культуры, Александр Афанасьевич повернулся спиной к ветру, чтобы зажечь папиросу, и так и пошел в обратную от Дома культуры сторону.

Вторая сюита из оперы «Алмаст», под названием «Пир в честь Татула», еще ни разу не исполнялась. Спендиаров оркестровал ее давно, еще до переезда в Армению, но в ереванском оркестре не хватало для нее нужных инструментов.

Александр Афанасьевич мечтал услышать свою сюиту в исполнении опытного оркестра. Гастролей все не было, и композитор уже начал отчаиваться, как вдруг получил неожиданную радость: правление Общества тифлиских музыкантов пригласило его на авторский концерт.

Спендиаров знал, что среди тифлиских оркестрантов много участников его ялтинских, петербургских, харьковских концертов. Один из музыкантов играл в квартете, выступавшем когда-то в ялтинском доме на вечере в честь Горького. Другой помнил Спендиарова в Севастополе на первом исполнении его первой оркестровой пьесы.

Полный воспоминаний, помолодевший, Александр Афанасьевич обложил себя партиями второй сюиты и кропотливо выправлял их.

— Подумай только,— говорил он ученику, валторнисту и композитору Сереже Шатириану,— я наконец услышу свою музыку. Это такое счастье! Такое счастье!

Концерты Общества тифлиских музыкантов происходили в летнем саду «Стэлла», в деревянном здании с большим залом, отшлифованными временем скамьями и поместительной эстрадой. Спендиаров приходил сюда рано, когда низкорослые деревца были еще орошены утренней сыростью.

Постепенно собирались все музыканты: одни — обросшие бородой и с виду суровые, другие — бритые, с глубокими складками на щеках. Худые и с брюшком, веселые и молчаливые, русские, евреи, армяне, украинцы, грузины, они съехались в Тифлис из разных городов страны.

Репетиции начинались точно вовремя. Как в былые времена, перед репетицией зачитывались названия репетируемых произведений. Все степенно сидели на своих местах. Алек-

сандр Афанасьевич, подтянутый и суровый, становился за дирижерский пульт, и тут начиналось счастье: звучала музыка «Пира в честь Татула», чистая, как золото, из чистых, как золото, рук опытейших оркестрантов, плод усердия и вдохновения композитора, его музыкальной совести, не позволявшей ему ни на волосок отступить от самого точного и единственного выражения задуманного.

— Ты понимаешь,— говорил Спендиаров Сереже Шатириану, последовавшему за ним в Тифлис, чтобы присутствовать на его концерте,— ведь ни в одной неточности не могу себя упрекнуть, ни в одном хоть сколько-нибудь несовершенном творческом решении, ну буквально ни в чем!

Музыка «Пира в честь Татула» воодушевляла композитора. Казалось, он окреп и физически: куда девались неприятные ощущения в сердце, напоминавшие ему о приступе на петроградском концерте.

Он был всегда в приподнятом настроении. С самого утра насвистывал, напевал...

По вечерам сидел с музыкантами в уютном кабачке «Симпатия» и рассказывал им комические истории, заливаясь жизнерадостным смехом.

«Застольное веселье» и все три пляски были готовы к исполнению. На следующее утро Александр Афанасьевич принес на репетицию бережно завернутую в синюю бумагу партитуру и партии симфонической картины «Измена». Но по какой-то непоправимой ошибке, по чьему-то недомыслию, правление Общества тифлисских музыкантов отложило исполнение «Измены» на будущий год.

Александр Афанасьевич подавил готовые вырваться у него слова возражения и смирился. «Это даже лучше»,— убеждал он себя, возвращаясь домой с тяжелой папкой под мышкой.— Останется одно неисполненное произведение, и если ко времени его исполнения будет готова новая симфоническая картина...»

ДРАГОЦЕННОЕ ВРЕМЯ

«Не терять ни минуты драгоценного времени. Немедленно взяться за оркестровку оперы. Работать, работать, работать»— так думал Александр Афанасьевич, приехав осенью 1927 года к семье в Судак, где он намеревался прожить до глубокой зимы.

Каждый день его жизни должен уходить в прошлое нагруженным драгоценной ношей. Никаких удовольствий: ни прогулок с детьми по Каштановой аллее, где в колючей чешуе прячутся лощеные бока конских каштанов, ни созерцания с Капсельского перевала восхода солнца.

Через месяц третий акт оперы «Алмаст» был оркестрован. Александр Афанасьевич приготовил партитурные листы для четвертого. Но пришла телеграмма из Москвы. Композитора приглашали на смотр достижений Армении в области культуры в связи с десятилетием Октябрьской революции. Смотри должен завершиться авторским выступлением Спендиарова. Время не терпит — надо собираться и выезжать в Москву немедленно.

Все в доме мигом было перевернуто вверх дном. Взволнованная Аленька поспешно строчила носовые платки, нарезанные из старых простынь. Варвара Леонидовна в вязаной шапке на седеющих волосах пекла в дороге печенье.

Потом был последний завтрак на закрытой террасе, стеклянные стены которой помутнели от дождя.

После завтрака все снова присели на черные стулья с соломенными сиденьями, устремившись мыслями в неведомое будущее. Потом члены семьи окружили отъезжающего, по очереди обняли его, прижавшись в последний раз к его бледной щеке.

Наконец, когда на душе стало уж очень грустно, Александр Афанасьевич и Варвара Леонидовна подхватили чемодан и кошелку с провизией и двинулись к воротам.

Приехав в Москву, Спендиаров узнал, что концерт отложен на неопределенное время. Ему хотелось, вероятно, крикнуть: «Да разве можно так безответственно распорядиться чужим временем!» Но, как всегда, он подавил свой гнев.

Потом его окрылила надежда (у Александра Афанасьевича была редкая способность окрыляться надеждой), что и в Москве для него найдется укромное место, где, в ожидании выступления, он сможет поработать над оркестровкой четвертого акта оперы.

Но такого места для него не нашлось.

Сначала Александр Афанасьевич поселился у дочери Марины, снимавшей угол у чаевницы и ворчуньи, не терпевшей громких разговоров квартирантов и хождения по всегда «только что вымытому» полу.

Грустно было видеть осторожные, связанные движения кроткого композитора, когда он раскладывал свои рукописи на столе.

Он поселился в Доме культуры Советской Армении. Пришел туда в сопровождении тачечника, прикатившего на тачке его фибровый чемодан и складную кровать.

Дирекция ДКСА очень сердечно приняла композитора и горячо извинялась, что не может предоставить ему отдельное помещение.

Александра Афанасьевича устроили в канцелярии.

Невыскателный композитор вздохнул свободно. Во-первых, после четырех, когда кончается рабочее время, канцелярия в его полном распоряжении. Во-вторых, он мог расположиться со своими рукописями на нескольких столах.

Но работать и здесь оказалось невозможным. Вечерами в Доме культуры собиралось множество армянских артистов: молодые актеры Армянской драматической студии, музыканты Квартета имени Комитаса, студенты Консерватории и техникумов и просто армяне-любители, участники концертов, устраиваемых в Доме культуры. Душевная простота и приветливость Александра Афанасьевича так расположили к нему молодежь, что вскоре ни одной минуты ему не удавалось побыть одному.

Ложиться спать приходилось поздно. Кряхтя и охая, композитор укладывался на неудобную кровать, а утром вскакивал, боясь проспать приход уборщицы и скудный завтрак в буфете.

Он наливал горячий чай в домашнюю кружечку и закусывал подсохшим бубликом. Посетители буфета Дома культуры запомнили его в старом бархатном пиджаке и серо-голубой фуражке, защищавшей его лысую голову от холодного воздуха буфетной.

У него был грустный и усталый вид. Но днем его уже видели полным энергии, когда он советовался с членами Армянского музыкального кружка, помещавшегося тут же, в ДКСА, об оформлении армянских музыкальных изданий, о сроке выхода их в свет, об очередности, а затем, путаясь в полах длинной шубы, торопился в музыкальное издательство, в Консерваторию, на репетиции русского народного оркестра, чтобы заимствовать их опыт для музыкальных учреждений Армении.

Силы его иссякали. Когда наконец долгожданный автор-

ский концерт был объявлен, он чувствовал себя таким слабым, что боялся не одолеть его.

Но в Москве должны были обязательно прозвучать обе сюиты из оперы «Алмаст»!

Композитор готовился к выступлению с необыкновенной тщательностью. Пересиливал усталость, упорно занимался с молодыми, невнимательными оркестрантами, занятыми распрей с администрацией. Не давал ни себе, ни оркестру спуска. Добиваясь необходимого звучания, по многу раз заставлял повторять одно и то же место, свирепо ударяя палочкой по пульта и держась левой рукой за сердце.

Это была отчаянная борьба за искусство, не терпящее скидок, не терпящее никакого снисхождения. И как венец этой борьбы — огромный, неожиданный для самого композитора успех на концерте.

Б У Д У Щ Е Е

Теперь всюду в Москве, куда ни приходил Александр Афанасьевич, обсуждали исполненные на концерте сюиты из оперы «Алмаст»; с уверенностью говорили о постановке оперы на большой сцене; сулили ей успех и возбуждали в композиторе авторскую тревогу: не искалечат ли его сочинение купюрами, не обеднят ли по случайной прихоти с такой любовью выношенные образы?

Он жил в состоянии нервного возбуждения, строил планы на будущее, вспоминал Армению.

— Видели ли вы картины Сарьяна? — спрашивал он своих московских друзей. — Вероятно, они вам кажутся нереальными, слишком яркими, слишком обобщенными. А вот представьте себе, что Сарьян передает Армению поразительно реально! Я вам больше скажу: Армения — это Сарьян!

Он говорил много, в голосе появлялись металлические нотки, в глазах блеск. Но вдруг совершенно неожиданно обрывал речь, лицо его как-то застывало, зрачки суживались, взгляд устремлялся вдаль.

Но это длилось недолго. Стоило дочери окликнуть его, как торопливо, с застенчивой улыбкой он спохватывался:

— Сейчас, деточка. Что, деточка?

Каких только обещаний он не давал близким, «когда пойдет моя опера». Во-первых, Варваре Леонидовне и сестре Жене он обеспечит прекрасное лечение; во-вторых, оденет всех до-

мочадцев, включая бабушку и Эльвину Ивановну. А дочери Марине непременно надо сшить зимнее пальто.

— Воротник к нему мы сделаем из подола моей шубы, кстати, она мне слишком длинна...

В феврале он уехал в Ереван. Перед отъездом был печален. Поднявшись в тамбур вагона и обернувшись в последний раз, оставил в памяти провожающих выражение усталости и скорби.

В Тифлисе Александр Афанасьевич сделал остановку. Вопросы тифлисских друзей о Москве, о его авторском концерте снова оживили композитора.

— Опера скоро будет поставлена! — говорил он, искренне веря в исполнимость своих надежд. — Ее даже, может быть, возьмут в Большой театр. Но не лучше ли поставить сперва в Тифлисе? Как вы думаете, а?

В ереванском поезде он встретился с музыкантом консерваторского оркестра Варткезом Хачатуряном, тотчас же сделавшимся внимательным слушателем его больших творческих планов. В тридцатом году он повезет весь консерваторский оркестр в Москву, чтобы повторить сюиты из оперы «Алмаст» и обязательно исполнить симфоническую картину «Измена», которую ему до сих пор не удалось послушать. Он пригласит весь оркестр на премьеру оперы «Алмаст». Премьера уж теперь не за горами. Стоит только съездить в апреле в Судак и сделать оркестровку четвертого акта. Тут Спендиаров вздохнул, жалуясь на одолевшее его в последнее время недомогание.

Приехав в Ереван, Александр Афанасьевич застал в своей квартире беспорядок, холодные печи, заледеневшие окна. Композитора это привело в негодование. В квартире трое достаточно взрослых мужчин¹, и ни один не позаботился о чистоте и тепле!

— Пора уже начинать жить по-человечески! — воскликнул Александр Афанасьевич и заставил провинившихся мужчин взяться за уборку.

Душевный подъем не оставлял теперь композитора. Он весь лучился радостью от сознания, что музыкальная жизнь Армении прочится на серьезной основе.

---

¹ Сын Александра Афанасьевича — Тася, комдив Мелик-Шахназаров, занимавший одну из комнат, и композитор Романос Меликян. В то время он часто гостил у Александра Афанасьевича.

Уже существует армянское издательство, процветает армянская концертная жизнь. Недалеко то время, когда молодой консерваторский оркестр станет Государственным оркестром Армении.

Но что особенно радовало композитора — это новое поколение.

Прослушав в Москве ученика Музыкального техникума имени Гнесиных Арама Хачатуряна, Спендиаров обещал ему большое композиторское будущее.

А малыши? Крошечный Зарик Сарьян удивительно музыкально поет детские песенки, а шестилетний пианист Котик Арутюнян недавно поразил Александра Афанасьевича воспроизведением по слуху «Ереванских этюдов».

Все идет вперед. Народные музыканты изучают музыкальную грамоту.

Прекрасно занимается поступившая в Консерваторию маленькая певунья Алварт.

Рано утром Александр Афанасьевич идет с папкой под мышкой в консерваторию, любуясь на ходу вершинами Арарата. Это Армения. И юные ученики, которые внимательно прислушиваются к его советам, — тоже Армения. И кяманчист Оганезашвили... Он слушал его в гостях у знакомых. Сидевшая рядом с композитором пианистка Бабасова уловила его шепот:

— Боже мой! Сколько мне надо еще написать!

Дома Александр Афанасьевич сидит за фортепьяно. Зреющее в его душе сочинение приобретает конкретность. В сумбурных прежде импровизациях повторяются отдельные музыкальные темы.

Композитор напевает их, наигрывает на скрипке, а иногда встает и дирижирует. Дирижерские взмахи у него какие-то особенно широкие, словно исполняется величественное эпическое произведение.

— Это будет симфоническая картина в трех частях, — сказал однажды Спендиаров Романосу Меликяну. — Первая часть широкая, монументальная: земля, опущенная потопом, и Арарат, — рассказывал композитор. — Вторая часть — Армения крестьянская: яркие, как цветы, народные одежды, цветущие сады, пение, пляски... И наконец, Армения наших дней. Ее олицетворяет Севан, сначала спокойный, великолепный, и вдруг буря!!! Вздываются волны, обрушиваются на берег...

Композитор сидел за столом, прислушиваясь внутренним ухом к музыке, наполнявшей его...

Он часто ходил в сад на Докторской улице¹. Там начиналось строительство нардома, в котором предполагалось поместить оперный театр и филармонию.

Спендиаров измерял шагами площадку, очищенную для строительства, отдыхал на базальтовых плитах, а потом шел в фанерную контору Таманяна и, усевшись в сторонке, перелистывал проект нардома.

В апреле Александр Афанасьевич собрался было в Судак, но понадобился концерт в пользу фонда консерватории, и Спендиаров остался «буквально на несколько дней», как он сообщил Варваре Леонидовне, тщето встречавшей каждый пароход.

В день концерта Александр Афанасьевич почувствовал себя плохо. Был очень слаб, бледен. Но когда вышел на эстраду и увидел приветливые лица завсегдатаев его концертов, как будто окреп.

Объявили «Персидский марш». Композитор выпрямился, властно взглянул на оркестрантов и вдруг стал терять сознание.

Музыканты подхватили Александра Афанасьевича и усадили на стул.

Несколько минут в зале царила абсолютная тишина. Потом публика начала протискиваться к эстраде. Александр Афанасьевич очнулся и, как это уже бывало с ним не раз, не мог позволить себе сорвать концерт. Опершись на плечо концертмейстера, он встал за дирижерский пульт, и зазвучала воинственная музыка.

На следующий день Александра Афанасьевича осматривали врачи. Приговор был решительным: немедленно ехать в Кисловодск для лечения сердца. Композитор стал готовиться в дорогу, но поездка сорвалась: концерт имел такой успех, что, по настойчивому желанию публики, объявили второе авторское выступление.

В зале Дома культуры было душно. Ожидая выхода на эстраду, Александр Афанасьевич весь в испарине сидел в фойе.

В последующие дни ему нездоровилось, но он крепился, таил от друзей недомогание.

В воскресенье 29 апреля композитор обедал в семье знако-

---

¹ Ныне улица Туманяна.

мого врача. За окном моросил дождь, Александра Афанасьевича знобило.

На другой день у него поднялась температура, и кашлял он, как когда-то в Судакe, но его болезни еще не дали названия. Александр Афанасьевич ходил по дому, превозмогая нарастающую слабость. Шел на кухню, проверял, не коптит ли керосинка, не протекает ли труба под умывальником.

Пришел врач. Симптомы болезни были уже очевидны: крупозное воспаление легких.

Александра Афанасьевича убеждали лечь в больницу, и он подчинился необходимости.

Это было третьего мая 1928 года.

Опираясь на руку сына, он шел по коридору в палату, последнюю налево, небольшую, длинную, с окном, выходящим во двор.

На другой день в Судакe была получена телеграмма, сообщавшая о болезни Александра Афанасьевича. Варвара Леонидовна тотчас же выехала в Ереван, но приехала туда только девятого.

Два дня спустя, шестого мая, Александру Афанасьевичу стало значительно хуже. Его спросили, не хочет ли он, чтобы о его болезни сообщили жене.

Он замахал руками:

— Нет, нет, ни в коем случае! Она тотчас же приедет, а это связано с расходами.

Болезнь развивалась стремительно. Александр Афанасьевич терял сознание. Однажды, очнувшись, он сказал врачу:

— Я слышал в оркестре крещендо... — И стал подробно объяснять, что такое крещендо.

Он стонал в забытьи.

— Мне кажется, что я прижимаю к боку папку с нотами, чтобы не отняли ее, и от этого боль,— сказал Спендиаров своему доктору. Но, разглядев в глазах врача беспокойство, добавил с ласковой улыбкой: — Но теперь ничего, прошло... Вот поправлюсь — приглашу вас на концерт.

Утром седьмого мая у него начался лизис — постепенное спадание температуры. Через каждые пять минут ему давали кислород.

В два часа десять минут дня он жадно припал к кислородной подушке, а затем сказал, подняв на врачей еще не погасшие, еще добрые глаза:

— Мне легче дышать от кислорода.

И вдруг его взгляд сделался неподвижным. Протянувшаяся было к электрическому звонку рука безжизненно упала на грудь.

Два года спустя опера Спендиарова «Алмаст» увидела свет. Она была поставлена в Москве в 1930 году на сцене филиала Большого театра.

«Это первоклассное зрелое творение армянского национального оперного искусства заметно возвышалось над прочими оперными постановками рубежа 20—30-х годов», — писал впоследствии профессор Московской консерватории В. Э. Ферман.

Снова опера «Алмаст» прозвучала в Москве в 1939 году. На этот раз ее привез на Декаду армянского искусства Ереванский театр оперы и балета имени Спендиарова.

Прошло тридцать лет, и снова «Алмаст» в Москве в Большом театре. Прислушиваюсь к высказываниям публики. Говорят о свежести гармонии, о сверкающей яркости оркестровки, о том, что музыка Спендиарова неувядаема.

Неувядаем и образ Александра Афанасьевича в памяти армянского народа.

КРАТКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А к к о́ р д — одновременное звучание не менее трех звуков разной высоты.

А р а н ж и́ р о в а т ь для хора — переложить для хора музыкальное произведение, написанное для одного голоса или для одного инструмента.

А р п е́ д ж и о — аккорд, звуки которого исполняются не одновременно, а поочередно.

А ш у́ г — народный поэт, певец и музыкант. Ашуг слагает свои песни-импровизации под аккомпанемент струнного инструмента.

Б а л л а́ д а — произведение повествовательного характера.

Б л у л — армянский народный деревянный духовой инструмент типа флейты, пастушья свирель.

В с т у п л е н и е — начальный эпизод, предшествующий главной теме музыкального произведения или отдельной части его.

Г а р м о н и з о в а т ь — присоединить к одnogолосной мелодии дополнительные голоса, образующие закономерное последование аккордов.

Д у д у́ к — народный деревянный духовой инструмент, по устройству напоминающий гобой.

Д х о л — народный ударный инструмент.

З у р н а́ — народный деревянный духовой инструмент.

И м п р о в и з а́ ц и я (*итал.*; импровизационно — неожиданно, внезапно) — особый вид музыкального произведения, при котором сочинение происходит непосредственно в процессе исполнения.

К о н т р а п у́ н к т — один из видов многоголосной музыкальной формы. Сочинение контрапункта основано на строгих правилах согласования и соединения двух и более самостоятельных голосов.

К р е щ е́ н д о — постепенно усиливая звук.

К у п ю́ р а — сокращение в музыкальном произведении по усмотрению исполнителя.

К я м а н ч а́ — народный смычковый инструмент.

Л и б р е́ т т о — полный литературный текст крупного музыкально-театрального произведения: оперы, балета и т. д.

Оркестровать — обработать музыкальное произведение для исполнения оркестром.

Парти́тура — нотная запись музыкального произведения, написанного для нескольких инструментов или голосов.

Пианíссимо — чрезвычайно тихо.

Саз — народный струнный щипковый инструмент.

Симфóния — крупное оркестровое произведение, как правило, в 4-х частях.

Симфоническая картина — произведение для симфонического оркестра описательно-изобразительного характера.

Сюита — произведение, состоящее из ряда самостоятельных законченных пьес.

Форца́ндо — внезапно усиливая звук.

Увертю́ра — симфоническое произведение, которое может быть вступлением к опере, к драматическому спектаклю или представлять собою отдельное законченное произведение.

Фанта́зия — произведение свободного импровизационного характера.

Форти́ссимо — чрезвычайно громко.

Фúга — произведение, основанное на последовательном вступлении голосов, излагающих одну и ту же музыкальную тему.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Хачатурян. Слово к читателям . . . . .</i>	<i>3</i>
--	----------

Часть первая

Музыка	7
В Карасубазаре	9
В гимназии	12
Летние каникулы	13
Литературно-музыкальный кружок	16
Первая любовь	18
«Кармен»	20

Часть вторая

Один день	23
Жрецы искусства	24
Любовь к родине	26
Самоотречение	28
Римский-Корсаков	31
Музыканты	33
«Моя семья будет твоей семьей...»	34
Начало тернистого пути	37

Часть третья

В ялтинском доме	40
Максим Горький	42
В бенефис оркестра	43

Пять композиторов	45
Вдохновение	47
Дружба	49
Дети	51

Часть четвертая

В Тифлисе	53
«Гимн Первого мая»	56
«Алмаст»	58
Военкомбриг Орловский	62
«Пир в честь Татула»	63
На композиторском чердаке	69
Спендиаров и Глазунов	73

Часть пятая

Широкий путь	77
«Богатыри»	79
В старом доме над обрывом	82
Вершина жизни	87
В квартире дома № 33 по улице Налбандян	93
Счастье	96
Драгоценное время	98
Будущее	101
<i>Краткий музыкальный словарь</i>	107

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для среднего
и старшего возраста

Спендиарова Марина Александровна

ЖИЗНЬ МУЗЫКАНТА

Повесть

Ответственный редактор *Г. И. Московская.*

Художественный редактор *Л. Д. Бирюков.*

Технический редактор *Л. П. Костикова.*

Корректоры *Г. В. Русакова* и *Т. Ф. Юдичева.*

Сдано в набор 14/1 1971 г. Подписано к печати 14/V 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 7,46. (Уч.-изд. л. 5,67+8 вкл.=6,46). Тираж 100 000 экз. ТП 1971 № 539. А09249. Цена 37 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Зак. 1865.

В издательстве
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
для среднего и старшего возраста вышли и выходят
следующие биографические книги:

Голубков Д.
ДОБРОЕ СОЛНЦЕ.

Повесть о народном художнике Мартиросе Сарьяне

Оржеховская Ф.
ПЯТЬ ПОРТРЕТОВ.

Маленькие повести о русских композиторах

Порудоминский В.
А РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ СКАЗКУ?

Повесть о жизни и трудах сказочника А. Н. Афанасьева.

*Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете
приобрести в магазинах Книготорга и потребитель-
ской кооперации.*

Цена 37 коп.